

рии вопроса считаются выход в свет основополагающей работы Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» (1983), сборника «Изобретение традиции» под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера (1983) и монографии Эрика Хобсбаума «Нации и национализм после 1780 года» (1990)². Адепты этого направления, помимо названных, в разной мере его разделяющие и развивающие, — Э. Геллнер, Ф. Барт, Э. Смит, К. Дойч, П. Бергер, Т. Лукман, П. Бурдьё, Э. Гидденс и др. Коллективным манифестом этой группы называют сборник «Нации и национализм», опубликованный левым издательством «Версо» в 1996 г. в Лондоне.

До недавнего времени конструктивизм фронтально противостоял отечественной школе мысли в области этнологии и нациеведения как в методологии, так и в выводах. Но с недавних пор он и у нас становится интеллектуальной модой и попросту вытесняет нашу школу напором модной новизны, занимает ее нишу, так и не преодолев теоретически.

Мне это кажется несправедливым и опасным по своим последствиям.

² *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. London, 1983 (1991); *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; *Hobsbawm E. and Ranger T.* (eds.). The Invention of Tradition. Cambridge, 1983; *Hobsbawm E.* Nations and Nationalism since 1780. Cambridge, 1990; *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. К этим основным публикациям следует добавить: *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий XX век (1914–1991). М., 2004; *Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М., 2002; *Хобсбаум Эрик.* Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность (Интернет-версия) и др.

«Святее папы римского» — марксисте Карла Маркса

Бросается в глаза парадокс: основные идолы конструктивизма — Геллнер, Хобсбаум, Андерсон³ и др. — все прочно позиционированы в марксистском секторе политологии⁴. Как пишет главный редактор авторитетного журнала «Nations and Nationalism» Энтони Смит в своей работе «Национализм и модернизм»:

«В основе... книг лежала марксистская традиция, но в них содержалась попытка перейти от традиционного исследования политической экономии к сфере культуры, доработав и дополнив их темами из анализа нарративов и дискурса, разработанного “постмодернистской” деконструкцией. В обоих случаях это привело к пониманию нации и национализма как основного текста Нового времени, которые необходимо было разоблачать и деконструировать. В обоих случаях нации и национализм — это конструкции и культурные артефакты; задача исследователя заключается в том, чтобы раскрыть их формы и содержания, показать потребности и интересы тех элит и страт, которые извлекают выгоду из этих нарративов или используют их»⁵.

³ Я намерен ограничить свой анализ этими тремя главными именами; противное потребовало бы объема монографии, но ничего не добавило бы по сути. Критический разбор книги Андерсона «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» см. также в кн.: *Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999. С. 64–82.

⁴ Работа, в значительной степени посвященная этому парадоксу: *Земляной Сергей.* Камень преткновения для марксизма. Нации и национализм в XX веке // Интернет-версия.

⁵ *Смит Э.Д.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 220. Типичным для этой группы и их эпигонов является утверждение норвежца Ф. Барта: «Этни-

Из этой точной характеристики сразу видно основное противоречие с отечественной этнологией и нациеведением (если не считать экзотика Льва Гумилева с его фальшивым «этногенезом»), всегда рассматривавшим этносы и нации как реальные естественно-исторические общности.

Чем-то необыкновенным и шокирующим представляется попытка конструктивистов выглядеть еще большими и лучшими марксистами, чем советские марксисты, выступая при этом с диаметрально противоположных позиций. Это крайне удивляет еще и потому, что с философской точки зрения все конструктивисты открыто представляют собой течение сугубо («до мозга костей») идеалистическое, причем с уклоном в субъективный идеализм классического берклианского толка. Будучи плотью от плоти западной научной школы, представляющей в социальных дисциплинах типичную «науку мнений», конструктивисты не только не знают, не понимают и не принимают ни диалектического, ни исторического материализма, но даже не отдают себе в этом отчета. То есть — перед нами «марксисты», из коих выхолощена главная суть марксистской философии. Таков их врожденный порок, делающий априори невозможной какую-либо результативность научного поиска.

Помимо того, в конструктивизме вполне отчетливо отмечается разлагающее влияние философии и эстетики постмодерна с его отвратительным релятивизмом, игрой в «черное — это белое, белое — это черное» и манерой отрекаться от любых констант и универсалий⁶.

ность — это форма социальной организации культурных различий».

⁶ Биологизм как метод и как принцип конструктивистами не берется в рассмотрение вообще, представляя собой фигуру умолчания, как будто нет на свете тысяч добросовестнейших исследований серьезных ученых

В чем особенная парадоксальность ситуации?

Во-первых, никакой марксист в принципе не может быть националистом (и наоборот), поскольку акцентирует и эксплуатирует принцип не национальной, а классовой солидарности. Эти принципы несовместимы и находятся в антагонистическом противоречии друг с другом, вытесняют друг друга как тезис и антитезис⁷. В политологии нельзя быть строгим марксистом и сознательным националистом одновременно, нельзя даже и пытаться концептуально понять национализм через марксизм⁸. (Это не значит, что син-

биологического профиля, в том числе этологов, антропологов, генетиков и в значительной мере этнологов, чьи труды помогают разобраться в феноменах расы, этноса и нации.

⁷ См. об этом: *Севастьянов Александр*. Диалектика социального и национального. К постановке вопроса // Вопросы национализма. 2010. № 1.

⁸ Ср. характерную своей запредельной нелепостью попытку американского марксиста Иммануэля Валлерстайна переосмыслить понятия «раса», «нация», «этническая группа», глядя через призму социально-экономических отношений: «Каждая из этих трех категорий зиждется на одной из основных структурных черт капиталистической мировой экономики. Концепция “расы” соотносится с осевым разделением труда в мировой экономике, антиномией центра и периферии. Концепция “нации” имеет отношение к политической надстройке этой исторической системы, суверенным государствам, берущим свое начало в общегосударственной системе. Концепция “этнической группы” проистекает из появления хозяйственных структур, допускающих большую долю неоплачиваемого труда в процессе накопления капитала. Ни одна из трех категорий не соотносится прямо с категорией “класс”» (*Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003. С. 94). Иначе как политэкономическим кретинизмом такой пассаж не охарактеризуешь.

тез невозможен, но — не для последовательного марксиста.) Тот факт, что основной фронт борьбы против наций и национализма доверен именно марксистам, заведомо лишенным ключа к тайне данных феноменов, о многом говорит наблюдателю.

Во-вторых, в плане интеллектуального инструментария миром пока не выработана философская система более актуальная и действенная, совершенная, нежели диамат и истмат, освобожденные от призм классового подхода. Эта школа системного мышления недаром впитала в себя все самое лучшее, что в методологии выработано мировой философией вплоть до Маркса. Ее пока никто не опроверг и не превзошел (именно системно). Не стоит выплескивать с водой ребенка, отказываясь от этой школы вместе с отказом от обанкротившегося принципа примата классовой борьбы в истории.

И уж во всяком случае, нам никуда не деться от кричащего факта полной беспомощности идеалистического подхода в науках, основанных на знаниях и фактах: истории, социологии и т.д. Идеализм для серьезного, уважающего себя и свою дисциплину ученого — абсолютное табу.

Для тех, кто попадает под обаяние конструктивистов, нарушение данного табу становится не просто нормой, а категорическим императивом. Нельзя принимать полностью или хотя бы частично доктрину андерсонов-геллнеров-хобсбаумов, не заражаясь при этом сущностно идеалистическим взглядом на мир вообще и избранный предмет исследования в частности. Что влечет за собой тяжелые последствия как в констатирующей части такого исследования, так и — еще более тяжелые! — в результирующей.

Марксисты-идеалисты

Конструктивисты, как читатель убедится, топчутся в истертом и затоптанном кругу национальных эпифеноменов, таких как язык (в т.ч. «печат-

ный»), религия, культура, гражданство, династическая принадлежность (подданство) и т.д. При этом сам первичный феномен — нация — безнадежно ускользает от них. Они изучают — порою с лупой! — следствия вместо причины, предикаты вместо субъекта, пойму вместо русла, части вместо целого, схему вместо живой жизни. Словом — все вторичное вместо первичного. Деревья напрочь заслоняют от них лес.

Все они — гуманитарии, влачащие на своих ногах тяжелые гири весьма несовершенной и приблизительной методологии, приверженцы аргументации *ad hominem*. Они не проходили школу серьезной мысли. Вообще, никогда. Здесь их общая ахиллесова пята. Они придают решающее значение отражениям реальности (феноменов, в нашем случае) в сознании, но при этом не желают в упор видеть саму реальность (феномены), ибо примат сознания над материей для них аксиома. Клеймо идеализма выжжено на этих лбах, а девиз «казаться и слыть — важнее, чем быть» горит в этих сердцах.

К примеру, для Андерсона нации — всего лишь «культурные артефакты», и он обещает «доказать, что сотворение этих артефактов к концу XVIII века было спонтанной дистилляцией сложного “скрещения” дискретных исторических сил, но стоило лишь им появиться, как они сразу же стали “модульными”, пригодными к переносу (в разной степени сознательному) на огромное множество социальных территорий и обрели способность впалять в себя либо самим впаляться в столь же широкое множество самых разных политических и идеологических констелляций» (29)⁹.

Тут-то его и подстерегает очередное противоречие. Он подтверждает: «Она [нация] воображается как общество, поскольку независимо от

⁹ Здесь и далее указываются страницы русского перевода «Воображаемых сообществ».

фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут существовать, нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество. В конечном счете именно это братство на протяжении двух последних столетий дает многим миллионам людей возможность не столько убивать, сколько добровольно умирать за такие ограниченные продукты воображения».

При осознании этого факта Андерсону изменяет выдержка, и он задает негодующий вопрос, дающий нам понять всю степень его внутреннего непонимания и неприятия национализма, его глубочайшее возмущение самим фактом его существования и триумфа: «Эти смерти внезапно вплотную сталкивают нас с главной проблемой, которую ставит национализм, а именно: что заставляет эти сморщенные воображения недавней истории (охватывающей едва ли не более двух столетий) порождать такие колоссальные жертвы?» (32).

Да уж, за артефакты как-то не принято умирать с охотой! Мы все это понимаем, понимает и Андерсон, но отказаться от идеи «нация как артефакт» уже не может.

Национализм — есть сильнейший мотив, побуждающий к действию, в чем мы постоянно убеждаемся на практике. Но глубинные мотивы такой силы, учит нас этология, бесполезно искать в сфере рационального: нужно обратиться к сфере аффектов, рефлексов и инстинктов, которую обслуживает наш *ratio*. Только тогда можно что-то понять.

Вместо этого все вообще марксисты-конструктивисты склонны понимать национальность по Веберу (поскольку у Маркса–Энгельса–Ленина тут зияет провал, абсолютная пустота), что более чем устарело и мало соответствует действительности: все-таки Вебер, как и Маркс, мыслит в категориях политэкономии, а не этнополитики. И не сегодня, а в позапрошлом веке.

Характерная эта связь раскрывается С. Баньковской в предисловии к «Воображаемому сообществу»:

«Посмотрим теперь, например, на то, как определялась “национальность” в классическом сочинении Макса Вебера “Хозяйство и общество”. Ввиду принципиального характера рассуждений Вебера, процитируем его подробно: “С «национальностью», как и с «народом», в широко распространенном этническом смысле, связано, по меньшей мере, нормальным образом, смутное представление, что в основе того, что воспринимается как «совместное», должна лежать общность происхождения, хотя в реальности люди, которые рассматривают себя как членов одной национальности, не только иногда, но и весьма часто гораздо дальше отстоят друг от друга по своему происхождению, чем те, кто причисляет себя к различным и враждебным друг другу национальностям¹⁰... Реальные основы веры в существование «национальной» общности и выстраивающегося на ней общностного действованиия весьма различны”. В наши дни, продолжает Вебер, в век “языковых битв”, важнейшее значение имеет “языковая общность”, а помимо этого возможно, что основой и критерием “национального чувства” будет результат соответствующего “общностного действованиия” (т.е. поведения, основанного на эмоционально переживаемом чувстве общности, *Gemeinschaft*) — образование “политического союза”, прежде всего государства. Мы видим здесь все достоинства и недостатки классической постановки вопроса. Вебер, конечно же, рассматривает “нацию” как “воображаемое сообщество”... Это, в общем, классическая европейская постановка вопроса, продолжение которой мы нашли в социологических формулировках Вебера» (8–9).

Вот таков он во всей красе, духов-

¹⁰ Убийственно голословное, но категорическое утверждение, просто на редкость! — А.С.

ный отец конструктивистов, столп западной «науки мнений». Безответственный и амбициозный вещатель истин в последней инстанции, ничем, однако, не подкрепленных, кроме, очевидно, узенького личного опыта и круга общения самого вещателя. А то и просто высосанных из пальца.

И они еще будут глубокомысленно глаголать нам о важности «языковой общности» — нам, русским, которые уже сегодня с оружием в руках опровергают эту «общность» в отношении ряда народов бывшего СССР, начиная с грузин и кончая чеченцами, входивших некогда в псевдонацию «советский народ»! Нам, которым, весьма возможно, предстоит в будущем широко распространить этот печальный опыт и на другие народы...

Язык не производит наций: для нас, постсоветских русских, это ясно и непреложно и доказано практикой, как дважды два = четыре. Но конструктивисты все как один обожают обсуждать языковой фактор, сильно преувеличивая при этом его нациеобразующее значение.

Обидно сознавать, что, хотя люди Запада оперируют словами «нация», «национализм», совершенно не понимая их смысла, искажая его, они при этом берутся нас учить, что и как надо думать на этнополитические темы!

Вот, например, откровения Дэвида Роули: «Я покажу, что русские не были способны развить национальное движение потому, что дискурсивный аппарат не включал концептов, которые являются неотъемлемыми для националистической мысли... Это доказывает, что основа национализма образуется не материальными особенностями социальных, политических или экономических структур или “аутентичной” этничностью, но современным европейским мышлением»¹¹.

Уверенно, чтобы не сказать нагло! Но ни теоретические, ни практические достижения западной мысли не вызывают желания учиться у таких учителей. Поскольку, во-первых, пресловутые «неотъемлемые концепты», как я надеюсь убедить читателя, гроша ломаного не стоят. А во-вторых, плачевные итоги «современного европейского мышления» мы видим воочию на улицах Европы: европейцы без боя сдали свои страны цветным пришельцам, они успешно погубили свои нации, и не им учить других национализму.

Порочный дух порченого времени

Все сказанное заставляет меня с большой тревогой относиться к тому импорту конструктивизма в отечественную социо- и политологию, который мы можем массово наблюдать в постсоветской России. Указанная экспансия при этом еще и преподносится как «завоевание научной мысли», будучи на деле ее деградацией и тотальной ретирадой! От такого признания за версту веет комплексом неполноценности относительно молодых российских научных дисциплин, не имевших легитимности (или имевших ее очень ограниченно, как социология) при советской власти: политологии, этнополитики и научного национализма¹².

Русские доверчивые неопиты, вместо того чтобы биться с теорией «воображаемых сообществ» и «изобретенных наций» как научно ошибочной и политически вредной для дела национализма, восхищенно и трепетно транслируют ее в еще менее просвещенные круги, иногда даже как бы против своей воли, в упор не видя ее кричащих противоречий или не вполне отдавая себе отчет в содеянном. Они

¹¹ Роули Дэвид Г. Имперский versus национальный дискурс: случай России / Пер. А. Храмов // Вопросы национализма. 2011. № 5. С. 214.

¹² Новейшее направление отечественной научной мысли. Главный орган — журнал «Вопросы национализма» (главный редактор Константин Крылов, научный редактор Сергей Сергеев).

так азартно пропагандируют глупости и пошлости господ конструктивистов, что воленс-ноленс сами становятся их заложниками.

Впрочем, в ряде случаев надо вести речь не о комплексе неполноценности или доверчивости неофитов, а об оголтелом карьеризме прожженных и небескорыстных циников, чутко уловивших политически значимый «мейн-стрим». Или о добровольных не менее оголтелых агентах западного жизнеустройства, стремящихся привить нам смертельные болезни Запада (увы, безуспешно). Иногда эти «полезные» свойства соединяются. В первую голову тут следует назвать философа Владимира Малахова¹³ и директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (ИЭА РАН)¹⁴, бывшего гайдаровского министра по делам национальностей Валерия Тишкова.

Малахова, к примеру, сильно тревожит «этническое понятие нации, тоже с поразительной настойчивостью воспроизводимое подавляющим большинством русскоязычных работ на эту тему. Очень мало кто у нас понимает нацию в политическом смысле — как гражданское сообщество. Для русскоязычных авторов нация — явно или неявно — есть этническая общность»¹⁵.

¹³ Автор книги с конъюнктурным названием «Скромное обаяние расизма» и другие статьи» (М., 2001). Его монография «Национализм как политическая идеология» рекомендована в качестве учебного пособия для вузов.

¹⁴ Некоторым аспектам деятельности этой деградирующей под руководством Тишкова научной инстанции мною были посвящены статьи: 1) Шорных дел мастера // «Наш современник», №7 за 2007; 2) Битому нейдет // интернет-сайт АПН, 6 марта 2009: <http://www.apn.ru/publications/article21410.htm>, а также раздел в книге: *Авдеев В.Б., Севастьянов А.Н.* Раса и этнос. М., 2007.

¹⁵ Расизм на языке социальных наук. СПб., 2002. С. 11–12.

Здесь Малахов встает плечом к плечу не только с Тишковым, чьи хлопоты по внедрению в России концепции политической нации настойчивы и велики, но и с В.И. Лениным, который прямо утверждал: «Нации — выдумка буржуазии».

Малахов с сердечным сокрушением признает: «Как с этим бороться? Если вы видите в девяноста случаях из ста, что под нацией понимают этнос, или под этносом понимают кровнородственное сообщество, или считают этнос автономным агентом социального действия, самостоятельной либо коллективной персоной — чисто теоретически это опровергнуть невозможно». Поэтому он предлагает делать это по-партизански, «перформативно», т.е. массированно используя ключевые слова в превратном контексте («агент национальной безопасности», «национальный интерес»), размывая смысл слов, прививая им двусмысленность в массовом сознании. И выражает надежду, что ориентированные подобным образом ангажированные журналисты смогут сделать то, чего «ни ученые, ни педагоги прямым образом достичь не могут»¹⁶.

Что, кроме брезгливого отвращения может вызвать «ученый», в открытую призывающий СМИ фальсифицировать научные данные и манипулировать общественным сознанием?!

Но Малахов просто младенец рядом с Тишковым. Одиозная фигура последнего, всюду твердящего, что никаких этносов и тем более наций нет (публично заявившего, например, — в Государственной Думе! — что никаких русских в природе не существует)¹⁷, заслуживает внимания.

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Некоторые труды Тишкова называются очень характерно и вызывающе, то есть — если учитывать должности автора — программно: «Забыть о нации» (журнал «Вопросы философии», 1998), «Реквием по этносу» (М., 2003) и проч.

Самое поразительное, что открывается при чтении работ Тишкова, это его принципиальное нежелание хоть как-то подкреплять аргументами свои основные тезисы. И выход из этого тупика он находит самый примитивный. Не в силах ничего доказать на деле сам, он взывает к тем самым авторитетам: Барт, Дойч, Геллнер, Хобсбаум и др. Показательным является выбор Тишковым цитат для подкрепления своей позиции. Но, на мой взгляд, они скорее разрушают ее, сами нуждаясь в подкреплении, которого не в силах дать никто. Я привожу цитаты именно в тишковском контексте, демонстрируя их порочное, но органическое единство:

— «Понятие нации требует коренного пересмотра в нашем общественном сознании, а вместе с этим — в общественно-политической и конституционно-правовой практике. Распутать этот клубок чрезвычайно сложно. В этой связи Э. Геллнер, на мой взгляд, справедливо замечает: “У человека должна быть национальность, как у него должны быть нос и два уха... Все это кажется самоочевидным, хотя, увы, это не так. Но то, что это поневоле внедрилось в сознание как самоочевидная истина, представляет собой важнейший аспект или даже суть проблемы национализма. Национальная принадлежность — не врожденное человеческое свойство, но теперь оно воспринимается именно таковым”. Причем добавим, что воспринимается не просто в бытовом, массовом сознании, но и даже профессиональными философами, пишущими, что “национальность дана человеку от рождения и останется неизменной всю его жизнь. Она так же прочна в нем, как, например, пол” (Ю. Бромлей)»¹⁸;

— «Не среди наций рождаются национальные движения, а, наоборот, на почве национальных движений,

достигших определенного развития народов, оформляется идея нации. Нельзя не согласиться с Э. Геллнером, что “нации создает человек, нации — это продукт человеческих убеждений, пристрастий и склонностей. Обычная группа людей (скажем, жителей определенной территории, носителей определенного языка) становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. Именно взаимное признание такого товарищества и превращает их в нацию, а не другие общие качества, какими бы они ни были, которые отделяют эту группу от всех стоящих вне ее”. У этого же автора есть еще более лаконичное определение нации, заимствованное у Карла Ренана, — это своего рода “постоянный, неформальный, извечно подтверждаемый плебисцит”»¹⁹.

Явно преждевременно настаивая, что «нищета примордиализма и демистификация этнических привязанностей» (Эллер, Коуглан) стали общепризнанными в науке, Тишков вслед за Ричардом Дженкинсом считает, что важность этих дебатов сохраняется, поскольку «грубый примордиализм — это в основном обидный взгляд, но обладающий огромной силой в современном мире»²⁰.

Досада горе-теоретиков на факт явного массового человеческого здравомыслия вполне понятна. И что же им остается еще в таком случае, как не ссылаться друг на друга до бесконечности? Например, так: «В этой ситуации вполне справедливым представляется замечание одного из специалистов по проблемам этничности и национализма Томаса Эриксона: “На уровне самосознания национальная принадлежность — это вопрос веры. Нация, то есть представляемая национа-

¹⁸ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 36.

¹⁹ Там же. С. 38–39. Эрнест Ренан поименован Карлом, возможно, по недоразумению.

²⁰ Там же. С. 52.

листами как «народ» (*Volk*), является продуктом идеологии национализма, а не наоборот. Нация возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть. И в большинстве случаев нация начинается как явление, порожаемое городской элитой. Тем не менее, чтобы стать эффективным политическим средством, эта идея должна распространиться на массовом уровне»²¹.

Цитировать можно было бы долго. Тишков не брезгает опираться даже на давно развенчанные, невежественные и пустые бредомствования соросовского любимчика Карла Поппера. Любовь понятна, ибо своими псевдонаучными теориями об «открытом обществе» Поппер торил Соросу путь к национальным сокровищам многих государств, России в частности. Широковещательная поддержка Соросом Поппера носит знаковый характер, ярко показывая, какие силы выступают заказчиками конструктивистского дискурса. Ведь Поппер, оказывается, «еще в 1945 г. писал в своей работе «Открытое общество и его враги»:

«Попытка отыскать некоторые «естественные» границы государств и, соответственно, рассматривать государство как «естественный» элемент, приводит к принципу национального государства и к романтическим фикциям национализма, расизма и трайбализма. Однако этот принцип не является «естественным», и мысль о том, что существуют такие естественные элементы, как нации, лингвистические или расовые группы, — чистый вымысел»²².

Легко видеть, что авторитеты, к которым Тишков апеллирует за отсутствием своих убедительных доводов, тоже вовсе не блещут аргументацией и логикой.

Однако высокое общественное положение Тишкова и его возможности

влиять на политическую ситуацию, которыми он пользуется по мере сил, не позволяют пренебрегать необходимостью его разоблачения. Очень важно дезавуировать его собственные, не блещущие основательностью теории. Но, учитывая их вторичность, гораздо важнее дезавуировать первоисточник: западный конструктивизм. Поэтому необходимо всячески приветствовать редкие попытки это сделать²³.

Так, актуальной критике конструктивистских концепций нации и национализма в книге Сергея Сергеева «Пришествие нации?» посвящены главы «Организм или конструкт?» и «Миф о гражданской нации»²⁴. Основные аргументы весьма достойны внимания.

Во-первых, Сергеев наблюдательно отмечает: «Ныне в мировом научном сообществе конструктивизм явно занимает ведущие позиции, что на мой взгляд отнюдь не свидетельствует об его истинности, а скорее — о серьезной болезни современной западной мысли, окончательно утратившей способность к онтологическому видению бытия и с маразматическим восторгом погружившейся в субъективистское своеволие»²⁵. Воистину так, субъективный идеализм давно утвердился в качестве ведущего метода науки Запада, все тупики и ловушки которой проистекают из данного факта. И вот уже «наиболее последовательный конструктивист — английский исследователь Эрнст Геллнер договорился до того, что не нации порождают национализм, а наоборот, последний сам «изобретает нации»»²⁶.

²³ На одну из них — книгу В.В. Коротеевой — я уже ссылался.

²⁴ *Сергеев Сергей*. Пришествие нации? Книга статей. М.: Скимень, 2010. Мою развернутую оценку книги см.: *Александр Севастьянов*. Новые мехи для нового вина // Вопросы национализма. 2010. № 4.

²⁵ Там же. С. 133.

²⁶ Там же. С. 132.

²¹ Там же. С. 85.

²² Там же. С. 102.

Во-вторых, Сергеев не без ехидства задает риторический вопрос: «Конструктивисты, отрицая этническую природу наций, не могут объяснить, почему для их “изобретения” понадобилась апелляция именно к чувству этнического родства, а не, скажем, к простой социальной солидарности или к экономическим интересам. Значит, этническая мобилизация более действительна, чем абстрактно-социальная. Не потому ли, что этничность представляет собой некое онтологическое свойство человеческой природы?»²⁷. Ответ слишком ясен.

В-третьих, развенчивая адептов «гражданской нации» (упомянутого Тишкова и иже с ним), Сергеев с историческими фактами в руках пытается обосновать именно этническую первооснову даже таких сложносоставных наций, как французы, англичане и американцы, завершая свой экскурс эффектным выводом: «Приходится с грустью констатировать, что “гражданских наций” в природе не существует, их место обитания — головы либеральных идеологов»²⁸.

Я бы предложил публике совсем другие примеры и аргументы, но вывод готов подтвердить.

В свете всего вышеизложенного трудно передать все мое изумление и разочарование, когда тот же самый научный редактор «Вопросов национализма» Сергей Сергеев, неожиданно вдруг заявил о своем пиетете по отношению к конструктивистам и призвал работать «в терминологии мейнстрима» (читай: конструктивизма)²⁹. Я даже не поверил своим глазам, расценив сказанное как совершенно необъяснимое самопредательство. Ужас и сострадание вызвали у меня эти плачевно капитулянтские строки...

Это стало последней каплей, скло-

нившей меня засучить рукава и вплотную заняться упомянутым «мейнстримом».

Сергеев аргументирует: «Игнорировать описанную ими практику нациестроительства значит сознательно зауживать и обеднять себя как исследователя и оставаться на научном уровне позапрошлого столетия... Севастьяновский биомат ничуть не лучше так обрыдшего людям, выросшим в СССР, диамата».

Я так не думаю. Во-первых, критику модных ныне конструктивистов я веду с позиций не прошлых, а грядущих лет, когда биологизм (сдвиг в сторону которого уже наметился, хотя еще очень осторожно, в работах наиболее продвинутых исследователей, к примеру, Валерия Соловья) неизбежно утвердится в качестве основного метода в исторических науках. Ибо чем дальше, тем больше становится ясно, что главная наука о жизни — не социология, культурология или политология и даже не история, а в полном соответствии с номинацией: *биология*. И именно с ее изучения должен начинать свой путь будущий историк, социолог, культуролог, политолог и т.п. А в первую очередь — националист-теоретик. Правда, это не всегда помогает (пример: Александр Храмов), но оставляет, по крайней мере, надежду.

Во-вторых, сравнение с диаматом мне лично кажется в высшей степени лестным: в мире до сих пор пока не появилась более убедительная и совершенная система научного мышления. И даже просто мало-мальски пригодная к употреблению альтернатива. Недооценка диамата и истмата «обкормленными» этим блюдом (притом порой насильно) бывшими советскими студентами, а также вовсе не вкусившими его постсоветскими выпускниками вузов — это тяжелейший удар по отечественной умственной сфере, который еще не раз отольется нам горькими сожалениями. Соединение диамата и истмата с биологизмом, чего марккси-

²⁷ Там же. С. 133.

²⁸ Там же. С. 148.

²⁹ *Сергеев Сергей*. Апология конструктивизма // Вопросы национализма. 2010. № 4.

сты напрасно избегали и чему автор этих строк посвящает усилия, уверен, будет высоко оценено ближайшими поколениями ученых.

Но — к делу. Сергеев полагает, что «теоретические и фактологические наработки конструктивистов заслуживают самого серьезного внимания». Что ж, придется и впрямь оказать им такое. Посмотрим, чего стоят на деле те достоинства, которые коллега взялся защищать столь рьяно и столь, помоему, опрометчиво.

Кстати, Сергеев правильно понимает главную суть конструктивизма, пропагандирующую национальное мифотворчество. За это он ее и ценит. Но не бывает полезных мифов, как не бывает хороших наркотиков: одурманивший себя «ярким и заразительным национальным мифом» (Сергеев) неминуемо проснется в кровавой грязи. С русским народом такое уже бывало. Допустить этого в очередной раз мы не имеем права.

Но ни с Сергеевым, ни с другими русскими последователями западных конструктивистов я всерьез полемизировать не собираюсь, ограничусь кратким очерком в конце, только чтобы читатель почувствовал реальность и опасность заразы. Как говаривал Пушкин, расчет должен производиться с барином. Важно научно и морально уничтожить хозяев лжедискурса — сателлиты разбегутся сами. Надеюсь, что когда они дочитают настоящий труд до конца, они немедленно так и поступят.

Анализировать чужой бред всегда очень трудно и неприятно, не покидает ощущение, что жизнь при этом проходит зря. Но в данном случае моей рукой водит чувство долга и горькое сознание того, что кроме меня эту архинужную работу сделать некому.

В битве Дон Кихота с мельницей я — на стороне испытанного и необходимого людям механизма, а не сумасбродного и агрессивного визионера. Моя задача — отбросить своим крылом его как можно дальше с пути рус-

ского национализма.

II. Парад инвалидов

Сам Бог не сумел бы создать ничего,
Не будь у него матерьяльца!
Генрих Гейне

Нации — буржуазные выдумки.
Владимир Ульянов (Ленин)

Апологеты конструктивизма главным образом опираются на труды трех наиболее авторитетных в данном кругу авторов: Эрнеста Геллнера, Эрика Хобсбаума и Бенедикта Андерсона. В соответствии с этим я и выстроил свою критику данного направления. Утопив этих трех китов в море их собственного изготовления, я надеюсь закрыть данную тему навсегда. Очередность определена их внутренним рейтингом по восходящей.

II.1. Эрнст Геллнер — мастер негодных определений

Недооценка национализма —
это общая слабость
духа традиций, марксистской
и либеральной,
и в этом заблуждении они
единодушны.
Эрнест Геллнер

Первая ласточка, возвестившая темным советским научным работникам весну конструктивизма, — это Эрнест Геллнер³⁰.

Его книгу, на которую сегодня всем так любо ссылаться, издали на излете советской власти по трем причинам:

1) автор известен как марксист; вот характерные цитаты: «Основная идея книги является частью исторического

³⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. Ссылки на страницы данной книги даются в скобках в конце цитат.

материализма» (6)... «Основное доказательство здесь есть не что иное, как применение основного положения марксизма о решающем влиянии способа производства на другие стороны общественной жизни» (8); и т.д.;

2) автор еврей, то есть — частица (по умолчанию) могущественного международного лобби, характеризуемого, в частности, резкой ненавистью к любому национализму, кроме своего собственного;

3) автор — большой авторитет на Западе, в силу первых двух причин в основном.

Было и еще одно важное обстоятельство, вытекающее из всех вышеперечисленных: Геллнер был приглашен с визитом в качестве гуру в поздний СССР. Он был официально принят в стране пока еще победившего марксизма. О том, чтобы на его месте оказался не то чтобы проповедник действительно националистических идей, вроде Дэвида Дюка, но хотя бы более-менее нейтральный ученый, вроде Энтони Смита, речи, конечно, идти не могло. Волею этого случая европейская теория национализма впервые предстала перед нами в лице еврея-марксиста, которому и досталась вся наша идеологическая девственность в данном вопросе. Его бастардами с тех пор все полнится отечественная общественная мысль.

Для высокообразованной, продвинутой, слегка диссидентствующей интеллигенции, группировавшейся тогда вокруг издательства «Прогресс», издание книжки Геллнера было безопасной возможностью выпустить джинна из бутылки — легально открыть новый для советского обществоведения, острый и не совсем «советский» дискурс национализма. Заодно потрафив влиятельной группе еврейских советников и консультантов перестроенного толка, в том числе околокремлевских, околонуучных и околоиздательских. Послесловие к Геллнеру не случайно написано одним из таких — И.И. Крупником, энтузиастом геллне-

ризма, убежденным в том, что «с трагическим запозданием мы начинаем свое знакомство с западной теорией национализма» (318).

Трагедия, однако, скорее состояла в том, что это знакомство было чрезмерно суетливым, восторженно-доверчивым и некритичным, притом что сама теория, преподанная нам западными марксистами, — чрезмерно поверхностна и ошибочна по сути. «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно» — эта ленинская фраза только что заборы не украшала в СССР. Но на деле оно казалось верным, только пока было всеильным в одной отдельно взятой стране. В вопросах же наций и национализма это учение всегда было сугубо ложным по причинам онтологического порядка³¹. Брать марксизм любой разновидности за ориентир в национальных вопросах — все равно что идти к священнику за сексологической консультацией. И доверять западным марксистам (а уж тем более — вместо марксистов отечественных, по крайней мере идеологически жестоко выверенных) следовало бы в последнюю очередь.

Но наши мальчики в розовых штанишках от национализма с восторгом бросились конспектировать это марксистское светило³², залетевшее в Москву, и дружно сели в здоровенную лужу махрового идеализма, напруженную им под собственные причитания о верности истмату.

Бросим взор на этот краеугольный камешек конструктивистов, чтобы убедиться в сказанном.

* * *

Первая глава книги весьма порядочно и дельно именуется: «Определения». Но не спешите радоваться, ибо

³¹ Подробнее см.: *Севастьянов Александр*. Диалектика социального и национального...

³² Думается, именно знакомство с подобными «марксистами» заставило некогда Маркса воскликнуть, что он — не марксист!

сами определения никакого повода для радости не дают, а дают — только для недоуменных вопросов. Определениями (всякий раз новыми, но одинаково безапелляционными и бездоказательными) полна вся книга от начала до конца. Погрузимся же, сняв розовые очки и надев защитный скептический скафандр, в мир геллнеровских дефиниций.

Национализм

Вообще-то в мировом дискурсе термин «национализм» используется весьма давно, успешно и с твердыми положительными коннотациями.

Популярный «Словарь Вебстера» определяет национализм двояко: как «преданность своему народу» и как «защиту национального единства или независимости».

Не менее популярный «Американский политический словарь»: «Национализм отождествляется с социальными и психологическими силами, которые зародились под действием уникальных культурных, исторических факторов, для того чтобы обеспечить единство, воодушевление в среде данного народа посредством культивирования чувства общей принадлежности к этим ценностям. Национализм объединяет народ, который обладает общими культурными, языковыми, расовыми, историческими или географическими чертами или опытом и который обеспечивает верность этой политической общности».

«Японская энциклопедия»: «Национализм — всеобщая приверженность и верность своей нации».

«Британская энциклопедия»: «Национализм — это верность и приверженность к нации или стране, когда национальные интересы ставятся выше личных или групповых интересов».

Все эти и другие аналогичные определения были даны в эпоху, когда глобализация а-ля США еще не стояла на повестке дня. С некоторых пор такая трактовка национализма переста-

ла устраивать сильных мира сего и для названного феномена потребовалось переопределение. Геллнер уловил это негласное требование лучше многих.

Еще в предисловии он честно нас предупредил: «Термин “национализм” используется в книге в значении, которое он имеет в английском, а не в русском языке... Он употребляется в книге для обозначения принципа, требующего, чтобы политические и этнические единицы совпадали, а также, чтобы управляемые и управляющие внутри данной политической единицы принадлежали к одному этносу» (5).

Вполне вразумительно сказано, чтобы не переносить это значение и это учение на русскую почву, не так ли? Хотя бы по причине терминологической нестыковки, дабы не породить цепочку недоразумений. Куда там!.. Оно уже стало расхожим в определенной среде, которая ширится с каждым днем.

В разделе «Определение» Геллнер вновь подтвердил, что «национализм — это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единица должны совпадать» (23).

Интересно, что сказали бы на это цыгане, поголовно являющиеся крутыми закоснелыми националистами? Да и известные своим национализмом соплеменники Геллнера, две трети коих вовсе не собираются менять свое диаспоральное бытие на израильское гражданство³³...

Но не ищите каких-либо обоснований этому определению: их нет и не предвидится. Просто так хочется видеть дело Геллнеру, или/ибо Геллнер в это верит — как угодно. И мы, конечно же, тоже должны ему верить, поскольку больше ничего не остается.

В сущности, достаточно прочесть слова: «национализм — это прежде

³³ Знакомые американцы шутят, что мечта каждого американского еврея — отправить в Израиль другого еврея на деньги третьего.

всего политический принцип...», чтобы отложить книгу и дальше уже не читать. В чем бы этот принцип ни состоял, ошибка метода уже налицо³⁴. Подход Геллнера явно неглубок: ведь феномен не сводим к отвлеченным принципам. Да и откуда берется сам этот принцип? По каким мотивам возникает? О том ни слова.

Следующая фраза, призванная подкрепить данную дефиницию, уже способна рассмешить: «Национализм как чувство или как движение проще всего объяснить, исходя из этого принципа. Националистическое чувство — это чувство негодования, вызванное нарушением этого принципа, или чувство удовлетворения, вызванное его осуществлением».

Не то чтобы Геллнер тут был совсем неправ. Спору нет, такой частный случай возможен. Но представить себе массовое движение столь продвинутых политически и непрерывно рефлектирующих на эту тему особ (а национализм интересен именно своей массовостью и длительностью переживания, за счет чего совершаются, по большей части вполне стихийно, революционные преобразования) я лично, уже двадцать лет близко наблюдающий русское национальное движение, не могу. Чисто кабинетный, умозрительный подход Геллнера не может не вызвать улыбку.

И вообще, так ограничивать национализм, сводить его, тем более в его массовой, основной и главной чувственной форме, к подобному рациональному обоснованию представляется несообразным с практикой. Разве нет поводов поважнее для возникновения и проявления национального чувства (национализма), среди которых

главнейшим и очевиднейшим я бы назвал этнические войны, вечно сопровождающие весь род *homo*?!

Формулировки Геллнера продолжают вызывать недоумение: «Короче говоря, национализм — это теория (?) политической законности (?), которая состоит в том, что этнические границы не должны пересекаться (?) с политическими, и в частности, что этнические границы внутри одного государства — вероятность, формально исключаящаяся самим принципом в его общей формулировке, — не должны отделять правителей от основного населения» (24).

Думаю, что подавляющее большинство русских националистов с изумлением узнало бы о причислении себя к разряду политических теоретиков. Возгордились бы, чего доброго. Нужно ли доказывать, что это утверждение беспочвенно?

Несомненно, теория национализма существует: национализм — это и теория тоже. Но провозглашать первичность идеи национализма, какова бы она ни была, по отношению к его реальной биопсихологической основе — инстинкту (комплексу инстинктов) — есть нонсенс, для материалистически мыслящего ученого недопустимый, отрывающий мир идей от их реальной, материальной основы — бытия. Доискиваясь до корней и причин, бессмысленно исследовать одни только идеи: исследуйте в первую очередь бытие, их породившее. Но марксиста Геллнера это основополагающее для истмата соображение не останавливает. Он смело подменяет феномен — идеей. А за ним этот трюк повторяют и его последователи.

Геллнеру и того мало. Не в силах дать сколько-нибудь основательное определение национализма, он делает подход за подходом, как штангист-неудачник, все надеясь выжать заветный вес, но безуспешно: штанга опрокидывает его на помост. Под занавес Геллнер сбивчиво разражается

³⁴ Сравним с геллнеровским прототипом название вузовского учебного пособия отечественного присяжного либерала-конструктивиста и геллнерианца В.В. Малахова «Национализм как политическая идеология».

еще одной, новой, дефиницией в бесплодной надежде что-то объяснить, в конце концов, хотя бы самому себе:

«В этой книге утверждается лишь то, что национализм является очень специфической разновидностью патриотизма, которая распространяется и начинает доминировать только при определенных социальных условиях, и что эти условия реально господствуют в современном мире и больше нигде. Национализм — это разновидность патриотизма, имеющая несколько очень важных отличительных особенностей. Прежде всего, сообщества, которым такой вид патриотизма, а именно национализм, дарит свою преданность, должны быть культурно однородны и зиждиться на культуре, стремящейся быть “высокой” (то есть письменной) культурой. Они должны быть достаточно велики, чтобы чувствовать себя в силах содержать собственную образовательную машину, способную развивать эту культуру, иметь мало четко разграниченных внутренних подгрупп и, напротив, анонимное, текучее и подвижное население, к которому индивид принадлежит непосредственно в силу своего культурного стиля, а не в силу своей принадлежности к составляющим его подгруппам. Однородность, грамотность, анонимность — вот ключевые черты таких сообществ» (280).

Все это, по обыкновению, голословно. Нет сомнений, что при желании Геллнер мог бы нависасывать из своих пальцев еще энное количество все новых таких же любительских определений³⁵. Но разберем последнее, что осталось.

В русском националистическом поле дискуссия о противоречии и даже

противоположности между национализмом и патриотизмом прошла еще во второй половине 1990-х. Никому среди причастных к оному полю лиц уже давно не нужно разъяснять, что национализм — это не патриотизм и не его разновидность. Но для стороннего читателя повторю аргументацию:

«Отличие националиста от патриота именно и только в том, что националист уже осознал, глубоко и непоколебимо, что нация — первична, а государство — вторично. Они диалектически неразрывны, как содержание и форма, но осознанный приоритет должен быть всегда у содержания. Нельзя решать проблемы государства в обход проблем нации. Бессмысленно надеяться, что можно укрепить государственность, не укрепив государствообразующий народ, собственно нацию...

Как только патриот проникается этими простыми истинами, он автоматически превращается в националиста. Обратный метаморфозис невозможен, как невозможно бабочке вновь стать куколкой или гусеницей. Преображение истиной необратимо»³⁶.

Ну, а что такое «анонимное, текучее и подвижное население, к которому индивид принадлежит непосредственно в силу своего культурного стиля, а не в силу своей принадлежности к составляющим его подгруппам» и почему «однородность, грамотность, анонимность — вот ключевые черты таких сообществ», которым национализм «дарит свою преданность», я, как ни бился, объяснить себе и людям не в силах. По-моему, это просто бред сивой кобылы. Где Геллнер видел такое население и такие сообщества, я не знаю, а сам он не сообщает.

Что же можно построить на таком гнилом фундаменте? Только театр те-

³⁵ Я намеренно опускаю некоторые из них, даже потрясающе нелепые, ни с чем не соотносимые, например: «Национализм, организация человеческих групп в большие централизованно обученные, культурно однородные сообщества» (87). Как всегда, ни аргументов, ни примеров. Просто голимая чушь.

³⁶ *Севастьянов Александр*. Национализм как он есть. Дистилляция термина — единственный путь к «хорошему национализму» // Политический класс. 2008. № 8.

ней.

Нации

Самое главное, конечно, это исходное понимание и определение нации.

Геллнер пытается давать его тоже много раз, а впервые на с. 34. Оно, увы, совершенно ни на чем не основано, перед нами простая декларация:

«Фактически нации, как и государства, — всего лишь случайность, а не всеобщая необходимость. Ни нации, ни государства не существуют во все времена и на любых условиях (интересное открытие! да, в первобытном обществе, где отсутствует жесткое разделение труда и нет эксплуатации, государства нет и быть не может. Но с появлением этих факторов государство — неизбежно, по большей части именно национальное, этническое, во всяком случае вначале. — А.С.). Национализм стоит на том, что они предназначены друг для друга; что одно без другого неполно; что их несоответствие обрачивается трагедией. Но прежде чем они стали предназначенными друг для друга, они должны были возникнуть, и их возникновение было независимым и случайным. Государство, безусловно, возникло без помощи нации. Некоторые нации, безусловно, сложились без благословения своего собственного государства» (34).

Можно ли это назвать дефиницией? Вряд ли, но и другие (ниже) не лучше.

Не отличающиеся обязательностью рассуждения Геллнера фронтально противоречат отечественной научной традиции как в плане теории государства, так и в плане теории нации. О русском понимании нации, о нашей традиции, нашем вкладе в мировой этноведческий дискурс мне приходилось подробно писать в другом месте³⁷. Поэтому здесь просто обозначу наши расхождения.

Если, как Геллнер, считать нации и

государства случайностью, тогда уж надо договаривать: это особая, всеобщая случайность. Практически перед каждым племенем однажды встанет стандартная дилемма: создать свое государство и стать нацией — или мириться со своим ничтожеством, а то и погибнуть. Многие выбирают второе, но и в этом ни случайности, ни добровольности никакой нет: просто не каждому по силам первое.

Геллнер неправ, утверждая, что нации и государства создаются независимо друг от друга: это зачастую именно две стороны одного процесса. Нация возникает на базе народа именно в ходе обретения им государственности. И национальные государства (как частный вид государства вообще) возникают именно и только в связи со становлением народа как нации. Хотя в принципе возникновение государства также есть результат универсальной необходимости, пусть и другого происхождения. (Марксисту Геллнеру неплохо бы ознакомиться с марксистской теорией на данный счет.) Но в любом случае утверждать, что «государство, безусловно, возникло без помощи нации», неправильно, так как процессы создания того и другого синхронны, они коррелируют, и государство вольно или невольно создается всем народом, а не из воздуха берется.

И уж вовсе шокирует неправдой утверждение, что «некоторые нации, безусловно, сложились без благословения своего собственного государства»: ведь если нет своего государства — нет и нации. Геллнер не случайно не приводит ни одного (!) примера, ибо их нет в природе.

Автор все бьется в попытках нащупать определение нации:

«Что же, в таком случае, представляет собой эта случайная, но в наш век, по-видимому, универсальная и нормативная идея нации? (NB: он предлагает обсуждать не “нацию”, а “идею нации”). Как это характерно для идеалиста, как это характерно для западной науки —

и как недопустимо с точки зрения истмата! Снова нам идею выдают за феномен... — А.С.) Обсуждение двух очень приблизительных, предварительных определений поможет добраться до сути этого расплывчатого понятия.

1. Два человека принадлежат к одной нации лишь в том случае, если их объединяет одна культура, которая в свою очередь понимается как система идей (кругом одни идеи! А куда же артефакты и технологии девать, на которых вся культура держится? — А.С.), условных знаков, связей, способов поведения и общения.

2. Два человека принадлежат к одной нации лишь только в том случае, если они *признают* принадлежность друг друга к этой нации (не встречал более идиотской постановки вопроса. Да кто же спрашивать будет-то? Это уже вообще что-то невиданное: мы, оказывается, — даже не то, что сами о себе думаем, как уверяют обычные конструктивисты, а куда круче: мы — то, что о нас думают другие! Я — русский, если NN признает меня русским? Какой-то субъективный идеализм в квадрате... Это истмат??!! — А.С.). Иными словами, нации делает человек; нации — это продукт человеческих убеждений, пристрастий и склонностей» (34–35).

Удивительная настойчивость! Поражает нелепость подхода. «Два человека» нас, как понимает читатель, вообще не интересуют и не могут интересовать, это не статистическая величина, нации не измеряются «двумя человеками». Два человека могут принадлежать к одной общности в силу недоразумения, аберрации сознания и т.п. Перед нами полное торжество идеализма и псевдонаучная болтовня. Как Геллнер ухитрился затесаться в ученые с таким багажом и такими методами?

А вот уж и новая попытка определить нацию:

«Обычная группа людей (скажем, жители определенной территории или носители определенного языка) становятся нацией, если и когда члены

этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. Именно взаимное признание такого объединения и превращает их в нацию, а не другие общие качества...» (35).

Если перевести это на нормальный русский язык и применить к России, то получится так: «все население или все русскоязычные России имеют шанс договориться о согражданстве, чтобы пользоваться равными правами и обязанностями».

Все, более ничего тут нет, никакого другого смысла.

При чем тут нация?!!! Какой националист под этим подпишется?

Сделав несколько заходов в попытке определить нацию, и все неудачные, Геллнер, однако, бросается в бой против ложной, как ему кажется, националистической трактовки нации. Он возражает против «молчаливого, косвенного» признания «самой неверной посылки националистической идеологии, будто бы “нации” заложены в самой природе вещей, что они только ждут, когда их “пробудят” (излюбленное националистическое выражение и сравнение) от прискорбного сна при помощи националистического “будильника”. Именно неспособность большинства потенциальных наций когда-либо “очнуться от сна”, отсутствие в них глубинного брожения, которое могло бы выплеснуться наружу, наводят на мысль, что национализм, в конце концов, не так уж важен. Приверженцы теории социальной запрограммированности “наций” замечают, возможно, не без удивления, что некоторым из этих “наций” недостает силы и решимости, необходимых для выполнения миссии, возложенной на них историей (обратим внимание на упорное ироническое заковычивание Геллнером слова “нация”. — А.С.).

Но национализм — это *не* пробуждение древней, скрытой, дремлющей силы, хотя он представляет себя имен-

но таковым. В действительности он является следствием новой формы социальной организации, опирающейся на полностью обобществленные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством» (112).

В связи с тем, что Геллнер прочно запутался в определениях национализма, обсуждать последний абзац, категорический, как обычно у него, я смысла не вижу. Но его замечание о том, что далеко не все этносы способны перейти в фазу нации, вполне верно. Только из этого не следует, разумеется, тот вывод об отсутствии реальных наций и о «неважности» национализма, на который подался Геллнер.

Да, не каждый этнос и не в каждый момент ощущает потребность в собственном государстве и стремится его заполучить. До этого надо дозреть. Скажу больше: не все из тех, кто дозрел — ощущает и стремится — способны это сделать, а потому и не пытаются. И этого мало: не все дозревшие хотят — к примеру, две трети евреев всего мира палкой не загонишь на ПМЖ в Израиль, ибо они вовсе не желают лишиться преимуществ проживания в диаспоре в обмен на гражданство своего национального государства. Хотя при этом и лишиться Израиля не желают...

Ну и что из этого следует? Каждый протягивает ножки по одежке и не предпринимает непосильных авантюр — что тут удивительного? Наглядная аналогия — половая жизнь человека, к которой стремится как к величайшему благу всякая нормальная особь... кроме тех, кто либо еще не дозрел до нее, либо уже расстался с такой возможностью (то и другое в силу возраста).

Но марксист Геллнер так увлекся им обнаруженным простеньким фактом, что на этой основе решил замахнуться (карлик на титана!) на авторитет самого Гегеля, лежащий в фундаменте марксистской философии:

«Большой процент погруженных

в непробудный сон “наций”, которые никогда не встанут и не воссияют (почему бы это знать Геллнеру? — А.С.) и которые даже не желают просыпаться, позволяет нам критиковать националистическую доктрину с ее же собственных позиций. Национализм считает себя естественным и всеобщим регулятором политической жизни человечества, только скованным этим длительным, упорным, мистическим сном. Вот как это представление выражено у Гегеля: “Нации могут пройти большой исторический путь, прежде чем они осуществят свое предназначение — оформить себя в виде государства”³⁸. Тут же Гегель заявляет, что этот догосударственный период на самом деле можно назвать “доисторическим” (sic): таким образом, у него получается, что настоящая история нации начинается тогда, когда она обретает собственное государство» (113).

Геллнер почему-то вообразил, что против гегелевской концепции достаточно выставить «существование наций — спящих красавиц, не имеющих своих государств и не ощущающих потребности в них», и этим по национализму вообще и по Гегелю в частности будет нанесен сокрушающий удар! Но это вовсе не так, ибо мы даже на примере ряда бывших социалистических наций отлично видим собственными свидетельскими очами, что этносы действительно могут «спать» и «не чувствовать» никакой потребности в собственном государстве, а потом вдруг «проснуться», как это сделали, скажем, казахи, вовсе не существовавшие как нация в досоветский период, и выстроить не просто националистическое, но даже жестко этнократическое государство. Прав, конечно, титан, а не карлик³⁹.

³⁸ *Hegel G.W.F. Lectures on the Philosophy of World History*, tr. H.B. Nisbet, Cambridge, 1975. P. 134.

³⁹ Замечу, кстати, что отечественная концепция нации как этноса, обретшего собственную государственность, полностью

На самом деле из геллнеровских рассуждений ясно одно: наступление такого момента, когда потенциальная нация устремляется к обретению своего национального государства, явно зависит от неких условий. Каковы же они? Если бы Геллнер так поставил вопрос (что и подобало бы настоящему ученому, а не шарлатану), то он вскоре нашел бы ответ⁴⁰. Он этого не делает — пусть сие останется на его совести...

И вот, уже после всего сказанного, отмахав полкниги, он вдруг начинает раздел, который так и озаглавлен: «Что такое нация?». Видно, неполноценность собственных рассуждений автора подспудно ощущалась им и не давала покоя. Внимательно следя за ходом мысли Геллнера, мы без труда найдем корни его ошибок.

Геллнер кладет в основу образования наций два краеугольных камня: «Мы говорили о двух наиболее реальных основаниях, на которых можно было бы построить теорию национальности, — это добрая воля и культура» (122).

Для конструктивиста, конечно, важнее всего именно первое: «Нет сомнения, что добрая воля, или согласие, является существенным фактором в формировании большинства групп, как больших, так и малых. Человечество всегда было организовано...».

Перед нами — та самая полуправда, что хуже отпетой лжи. Потому что в мире есть явления природные, а есть

искусственные, созданные доброй — или недоброй — волей человека. Как известно, новые общности живых существ (виды и породы) возникают периодически путем как естественного, так и искусственного отбора, да вот только первый — это закон и функция природы, а второй — дело рук человека.

То же и человеческие общности: есть природные, первичные — например, этносы (род, племя, народ, нация), а есть антропогенные, вторичные (партии, клубы, религиозные общины и т.д.). Есть, наконец, и такие, которые, не будучи напрямую сотворены природой, не зависят и от воли человека, являясь плодом естественно-исторического процесса: например, классы. То, что сотворил человек по своей воле, он и отменить может своей волею. Но естественную общность ни создать, ни отменить не может никто — ни нацию, ни класс.

Раз допустив ложную посылку, Геллнер обречен и дальше двигаться путем лжи.

Любопытная подробность: определяя нации как «группы, которые сами *желают* существовать как сообщества» (123), автор ссылается не на кого иного, как на Эрнеста Ренана⁴¹, знаменитого своей сумасбродной и отчаянной попыткой подвести теоретический фундамент под явление так называемой «французской нации», на деле являющейся конгломератом этносов (который каких-то 250 лет назад и франкофонным-то был не более чем на 50%)⁴², затиснутым в общее согражданство. Эта ссылка многое объясняет: Геллнер даже не оригинален в своих заблуждениях.

А они множатся: «Как бы это ни

согласуется с Гегелем, что не может не радовать. См. об этом: *Севастьянов А.Н.* Этнос и нация.

⁴⁰ Часть этого ответа содержится-таки даже в собственных рассуждениях Геллнера, который отмечает: «Жизнеспособное, поддерживающее высокий уровень культуры современное государство не может быть меньше определенного размера... а на Земле есть место только для ограниченного числа таких государств» (113). Он, однако, предпочитает не замечать собственный довод, чтобы не ломать концепцию.

⁴¹ Э. Ренан сегодня стал широко известен своей абсурдной формулой «нация — это ежедневный плебисцит», которая стала главным слоганом конструктивизма.

⁴² Причем на правильном французском говорило не более 13% населения.

казалось парадоксальным, но факт остается фактом: определение наций может отталкиваться только от реальностей эпохи национализма, а не, как можно было бы предположить, от противоположного. “Век национализма” — не просто итог пробуждения и политического самоутверждения той или иной нации...

Культуры теперь представляются хранилищами политической законности. (?) Только в такой ситуации начинает казаться, что всякое игнорирование их границ является беззаконием.

Исходя из этих условий — хотя только из этих условий — нации действительно могут определяться на основании как доброй воли, так и культуры и на основании их совпадения с политическими единицами. В этих условиях люди желают быть политически едиными со всеми теми, и только теми, кто принадлежит к той же культуре. Соответственно государства стремятся совместить свои границы с границами своих культур и защищать и внедрять свои культуры в пределах своей власти. Слияние доброй воли, культуры и государства становится нормой... Эти условия отнюдь не характерны для человеческого общества как такового, но исключительно для его индустриальной стадии» (126–127).

Столь наивно-идеалистические, мифологизированные представления о государстве особенно неожиданны в устах марксиста. (Зацикленность Геллнера на культуре я разберу ниже.)

Геллнер завершает ход мысли знаменитым тезисом, принесшим ему мировую известность:

«Именно национализм порождает нации, а не наоборот» (127).

Нетрудно видеть, что он буквально ничем — НИЧЕМ! — не подтвержден, не обоснован. А если в эту формулу подставить то значение национализма, которое Геллнер ему придал выше, абсурдность этого утверждения просто бросится в глаза. Характерно, что Геллнер, не имея исторических, фактиче-

ских подтверждений, прибегает — и на много страниц — к вымышленным литературным образам Мегалломании и Руритании как к аргументам. Каковые и анализирует усердно. Поистине, выдумки для выдумок!

Если бы такую ерунду написал средний советский социолог или политолог, его в пыль бы растерли коллеги, в грязь бы вмесили, сделали изгоем — и поделом! А английскому еврею-«марксисту» — все можно, ему мы в рот смотрим! (Как и Попперу, и Хобсбауму, и другим точно таким же умникам.) Досадно.

Классы

Среди рассуждений Геллнера небольшое, но важное место занимает тема класса, которую он — марксист ведь как-никак! — связывает с темой нации:

«Националистические теории обычно рассматривают нации как устойчивые, естественные социальные общности, которые лишь начинают действовать, или, используя любимое выражение националистов, “пробуждаются” в эпоху национализма. “Национальное пробуждение” — горячо любимое определение националистов. Здесь прослеживается заметная аналогия между этой идеей и марксистским разграничением между “классами в себе” и “классами для себя”. Но я не верю, что нации существуют в том же самом смысле, что и классы» (12).

??? Казалось бы, при чем тут классы вообще? Кто говорит здесь и сейчас про классы? И кому, в конце концов, какое дело, во что верит г-н Геллнер? Уж потрудился бы подкрепить свою веру чем-то более истматическим... Но нет, он просто счел своим долгом так подтвердить свое исповедание марксистской веры (Владимир Ульянов-Ленин: «нации — буржуазные выдумки»). Лишь для того, впрочем, чтобы тут же опорочить ее собственной ни с чем не сообразной выходкой:

«Только когда классу удается в той

или иной степени стать нацией, он превращается из “класса в себе” в “класс для себя” или “нацию для себя”. Ни классы, ни нации не являются политическими катализаторами, ими являются лишь “нации-классы” или “классы-нации”» (252).

Что это?! Очевидно, такой... марксизм. Как говорилось выше, ждать от марксистов вообще каких-то осмысленных предложений по теории наций не следует: это не их ампула. Комментировать сказанное невозможно: сие за гранью смысла.

Но хотел бы я, чтобы мне кто-нибудь показал такую нацию, которая состояла бы из одного класса! (Это невозможно по определению: нация — это все классы одного этноса вместе. Хотя отзвук этого миленького геллнеровского «открытия» мы недавно наблюдали в попытке Валерия Соловья выдать русский народ за некий однополярный «этнокласс».)

Государство

Марксистскую теорию классов Геллнер обогатил также еще и своей теорией государства. Для начала, впрочем, он ссылается на Макса Вебера (странно, почему не на Маркса или Энгельса, посвятившего данному вопросу как-никак монографию):

«Государство... это такая организация внутри (?) общества, которая владеет монополией на законное насилие» (27).

Определение, как видит читатель, очень плохое. В нем нет ни слова об организующей, регулирующей функции государства, о защите безопасности, об исполнении общих нужд, о патронаже и проч. Государство невозможно без насилия, верно, но если государство — это только насилие, то зачем оно нужно людям, почему за него идут в бой?

Геллнер пытается уточнить и развить Вебера:

«Государство — это институт или ряд институтов, основная задача ко-

торых (независимо от всех прочих задач) — охрана порядка. Государство существует там, где из стихии социальной жизни выделились специализированные органы охраны порядка, такие, как полиция и суд. Они и есть государство» (29).

Типичный, наследственный взгляд потомственного хазарина! Забыть об армии! (А ведь это первейшее условие *sine qua non*: не будет армии — не будет и государства.) Забыть о таможне! О МИДе! Как будто государство возникает в ответ лишь на потребность верхов эксплуатировать низы, а не в ответ на необходимость защищать все сообщество от внешней угрозы, в том числе экономической. Но уж для кого иного, а для нас, русских, всю свою историю подвергавшихся нашествиям извне и именно против них создававших и укреплявших свое государство, этого объяснять не надо.

А как вам такой перл: «Государство в первую очередь является защитником не религии, а культуры» (231)? Хороша постановка вопроса?! Нам предлагают выбирать из двух вариантов, из которых ни один не является истинным. При чем тут вообще защита религии? Культуры? Государственная защита нужна непосредственно людям, властям и населению, народу в целом, а также территории, в первую очередь. Что-то мне не припоминается ни одной войны, которую вело бы какое-либо государство в защиту культуры вместо вышеназванных вещей.

Для чего Геллнер в очередной раз взялся рассуждать о том, что явно выше его понимания? Да вот ради такой ценной мысли:

«Всякий разумный подсчет покажет, что число потенциальных наций по всей видимости намного, намного больше, чем число жизнеспособных государств. Если этот аргумент, или расчет, верен, то не все националистические интересы могут быть в равной степени соблюдены, во всяком случае одновременно. Удовлетворение одних

приведет к ущемлению других» (26).

Скажите, какое открытие! Но такие вопросы испокон веку решаются не расчетами за столом кабинета, а с оружием в руках на поле боя. Только силой! Кто силен, тот и прав, тому и владеть государством. Геллнер этого не знает?

Нацией, как говорилось выше, народ только и становится в ходе обретения своего суверенитета, своей государственности. Часто это происходит в ходе войн, которые не каждому народу по силам. Но поскольку Геллнер верит в иное, объяснить несовпадение числа народов с числом национальных государств он, конечно, не в состоянии.

Датировка наций и национализма.

Аграрное и индустриальное общество

Наиболее важный идейный узел книги связан с датировкой Геллнером феноменов нации и национализма. Он оперирует расплывчатыми понятиями «эпоха наций», «век национализма», подразумевая главным образом XX век. Попробуем разобраться, как он это обосновывает. Почему это важно? Потому что любое явление следует понимать от истоков, а значит — надо верно эти истоки определить.

Геллнер пытается делать это через привязку, во-первых, к культуре (письменности), а во-вторых — к индустриальному обществу. Рассмотрим то и другое по порядку.

1. Нации и культуры

Чтобы убедить нас в наличии такой связи, Геллнер в очередной раз дает новую дефиницию: «Национализм — это то, что относится к сообществам, объединенным общей культурой и отличающимся от соперничающих или враждебных сообществ различиями в культуре» (9).

Ясно, что он вполне произвольно берет только частный случай национализма. Но чем он объясняет свой выбор? Он пишет:

«Основное предназначение и иден-

тификация человека связаны теперь с письменной культурой, в которую он погружен и внутри которой способен успешно функционировать. Это — высокая культура, передаваемая не путем неформального общения с непосредственным окружением, а при помощи формального обучения. На мой взгляд, именно этот фактор лежит в основе современного национализма и определяет его силу» (7).

Понять ход мысли Геллнера почти невозможно, настолько он примитивен и ошибочен, настолько ниже уровня понимания. Какая тут связь? Обучение высокой культуре на национальном языке влечет за собой национализм — и это весь секрет? Но так было всегда — и в дописьменный период, может быть, еще успешнее, потому что на стадии господства фольклора уж точно ничего, кроме живой национальной традиции, изустно не передавалось, причем в масштабах всего народа сразу, а нынешняя письменная культура несет в себе, образно говоря, «сказки разных народов», что вовсе не способствует развитию такого уж мажорного национализма. Да и усваивается населением по стратам крайне неравномерно, в отличие от дописьменной эпохи, не только не объединяя, но скорее маркируя и разъединяя разные страты единой нации.

Интересно вот еще что. Геллнер всячески старается нас убедить на всем протяжении книги в том, что и нации, и национализм — это-де исключительно порождение XX века, «индустриальной эпохи». А вот в предшествующую ей «аграрную эпоху» национальные государства-де были лишь «время от времени», что не оставляло места ни для наций, ни для национализма. Поэтому-то он и выдумывает какие-то несуразные условия насчет «высокой культуры», которая на поверку оказывается просто «письменной культурой».

Ему бы не мешало знать, если говорить даже только о европеоидах, что

письменная культура восходит у них к изобретению алфавита, вначале финикийского, ок. XIII в. до н.э., а от него производного греческого (ок. 800 г. до н.э.), затем этрусского (ок. 700 г. до н.э.) и, наконец, латинского (ок. 400 г. до н.э.). За это время мы свидетельствуем ряд высокоразвитых национальных государств, какими, вне всякого сомнения, были Египет и Афины, Рим и Спарта, Вавилон и Иран и т.д. Национальным русским государством была Древняя Русь как минимум с XV века, а высокой письменной культурой, распространенной в широких общественных слоях, русские обладали с X века.

И если не все государства Древнего Мира и средневековья были национальными, так ведь и сегодня не все таковы. Попытка Геллнера записать национальные государства, а с ними нации и национализм в узкую временную нишу современности беспочвенна и неубедительна. Он просто не знает истории.

Но наш некультурный культуролог продолжает свои откровения.

В качестве «национальных границ» он рассматривает только «заметные культурные различия между крупными человеческими общностями», принципиально игнорируя «смежные разветвления родства, занятий, расселения, политического союзничества, социального статуса, религии, сект и ритуалов», которые-де образуют «крайне запутанную структуру» (13). Не видя, что именно эта структура являет собой живую плоть этничности, без которой нет и не может быть нации.

Но он делает из этого радикальный вывод: раз в доиндустриальном мире нет «заметных культурных различий» (вот тебе раз! Это вопиющая неправда: достаточно сравнить средневековый Китай, арабский Восток и европейский Запад, не говоря уже о мезоамериканских культурах или Египте), то-де и «попросту не существует “наций”, способных “пробудиться”» (13). Он не видит эти различия у себя под носом,

но талдычит об их сверхценности как этномаркеров, вновь и вновь утверждая, что необходимы «глубокие культурные различия, определяющие границы чего-то подобного современной нации» (13). Что неверно само по себе даже логически (феномен не определяется через эпифеномен).

Что тут скажешь? Как говорил Лао Цзы, «незнающий, делающий вид, что знает, — болен».

Возникает настоящий парадокс: если для национальной дифференциации как основы национализма так уж важны культурные различия, то чем же объяснить, что современное падение, омертвление национальных культур, их активная диффузия, глобальное взаимопроникновение, наступление массовой (безнациональной, наднациональной) культуры — вовсе не ведет к исчезновению наций, а напротив, сопровождается бурным ростом национализма?

Видно воочию, что тезис Геллнера не стыкуется с жизнью, ее правдой.

А в том-то все и дело, что по мере облетания, опадения культурной, религиозной и прочей эпифеномальной мишуры на свет все более ясно выступает, выпирает подлинная основа национализма — кровь⁴³, общее происхождение! Первичная суть вытесняет вторичные признаки⁴⁴, которые

⁴³ Заклинаю читателя не вкладывать в слово «кровь», употребляемое мною, никакого «духовного» или, тем более, мистического содержания (такую ошибку однажды уже совершил мой уважаемый оппонент С.М. Сергеев). Кровь — это кровь: эритроциты, лейкоциты и т.д. Кровь — вполне материальная субстанция, ее можно исчислить и измерить, взять на анализ, в том числе генетический, эти анализы можно сравнить. Кровь — один из весьма важных расо- и даже этноразграничительных маркеров.

⁴⁴ Помню, как был изумлен, узнав в детстве из книг, что зримые гениталии человека, как и молочные железы женщин, — есть «всего лишь» вторичные половые признаки, а

разрушаются, ветшают, девальвируют. Перефразируя известный стих: «Культура — штамп на золотом, а золотой — мы сами!».

В малокультурном, архаическом обществе зримые, яркие вторичные признаки — вера, гражданство, культура, идеология — могли порой заслонять первичную, племенную суть национального (к примеру, русские крестьяне-партизаны 1812 года не всегда поднимались до племенного национализма). Но сейчас — другое дело. Чем культурней человек, тем очевидней для него вторичность культуры и первичность крови и плоти. Лишь лицо выражает органическую природу, ибо ею сотворено, а маска творится человеком из картона, бумаги, клея и красок, что бы ни понимать под этой метафорой. Культура — маска, но не лицо.

Геллнер нарочито «не замечает» это противоречие, проходит мимо него, будучи не в силах объяснить. Он продолжает утверждать, вопреки сказанному, что «современный человек... является в первую очередь подданным своей культуры» (10).

Но всмотримся: как же так! Русская культура, к примеру, деградировала и редуцировалась до неузнаваемости, порой до своей противоположности (пример: Владимир Сорокин), русская православная вера перестала консолидировать нацию, т.н. «русская идея», выпестованная лучшими умами XIX–XX вв., непоправимо пала — а русский

первичные скрыты внутри, в железах секреции. Хотя, казалось бы, что уж первичнее, нежели, скажем, член и яички мужчины! Так и с культурой, религией и т.д.: они производят на незрелые, не оснащенные наукой умы впечатление чего-то первичного, критериального, как член. Ан нет! Источник различий лежит гораздо глубже, на уровне биологических параметров, в т.ч. крови. Японцы отличаются от китайцев не потому, что у них культуры разные: ровно наоборот, у них разные культуры — потому что японцы биологически не китайцы. Но об этом — в другом месте.

национализм при этом растет, как на дрожжах?!

Геллнер и ему подобные не в силах объяснить подобное развитие событий. Его слепота объясняется просто: он считает «зов крови» — чем-то «мистическим» и «атавистическим» (15), как и некоторые его ученики (С.М. Сергеев, например)⁴⁵. Явно путая атавизм и этнический архетип.

Изобретательству Геллнера на тему нации и культуры нет конца. Оказывается:

«Основной обман и самообман, свойственный национализму, состоит в следующем: национализм, по существу, является навязыванием высокой культуры обществу, где раньше низкие культуры определяли жизнь большинства, а в некоторых случаях и всего населения» (130). «Суть национализма — в приобщении, причастности, принадлежности именно к высокой письменной культуре, охватывающей население всей политической единицы и обязательно соответствующей тому типу разделения труда и способа производства, которые лежат в основе данного общества» (203).

Интересно, сам-то Геллнер понимал, что написал? Ну, про разделение труда и способ производства — это чтоб не забывали, что имеем дело с марксистом. Но к какой, интересно, высокой письменной культуре приобщает русский национализм одноименное население России «ан масс»? И с каких пор? Мне как участнику процесса было бы любопытно это узнать, но Геллнер, уверяющий нас, что национализм есть массовое стремление неких людей защитить свою культуру политическими средствами, что существует «национа-

⁴⁵ См.: *Сергеев Сергей*. Апология конструктивизма... Между тем нет ничего более материального и актуального, чем кровь. И те ее секреты, которые предстают профанам как «мистика» или «атавизм», на деле имеют меру и вес, укладываются в четкие научные формулы.

листическое требование соответствия политической единицы и культуры» (232, 251), не утруждает себя ни ссылками, ни доказательствами. Ну хоть бы один исторический примерчик привел! Нет, его излюбленные умозрительные модели — Мегалломания и Руритания — так и остаются умозрительными моделями и ничем более⁴⁶.

Наконец, вот финальная фраза, итог книги, ее квинтэссенция. Общая высокая культура-де «определяет “нацию”. Тогда, и только тогда, такая нация/культура становится естественной единицей и не может нормально функционировать без собственной политической раковины — государства» (289).

Можно подумать, что свои государства были и есть только у высококультурных наций! (Уж не были ли таковыми вновь образованные латиноамериканские государства?) Конечно, образованность может открыть нации глаза на собственное существование. Но она не может сделать нацию нацией.

Между тем характеристика современной европейской «высокой» культуры, которую дает Геллнер, на деле — просто убийственна:

«Век всеобщей высокой культуры... Средний университетский профессор или учитель может быть заменен человеком преподавательской профессии с необычайной легкостью и без большого или вообще без всякого ущерба для дела» (88–89).

Хороши же преподаватели на Западе! Но это свидетельство лишь ужасной профанации, снижения уровня западной профессуры — не более того. Если разница между учителем и уче-

ником пропадает, это значит, что учитель просто перестал расти, и его пора менять.

Геллнер не знает ничего, о чем берется судить: ни истории культуры (письменности, книги, образования), ни истории общественно-исторических формаций, ремесел, промышленности, науки. Он путает не только «нацию» и «национальность», а также нацию и национальную культуру, но и нацию и государство, что вообще типично для англосаксонской лингвистической, а вследствие того и научной традиции. Он не способен оперировать фактами, примерами. Он не дает ссылок (почти) или ссылается на таких же выдумщиков. Кругом — одни выдумки! Руритании с Мегалломаниями... При этом Макса Вебера, на которого он опирается, сам же Геллнер тоже характеризует как выдумщика. Смех и грех...

Вот вам лицо и плоды западной «науки мнений»!

Нет, привязка к современной культуре явно не годится для датировки наций и национализма, это ложный критерий.

2. Нации и индустриализм

Переходим ко второму критерию.

Геллнер вновь напоминает нам о своем марксизме. Ключ к пониманию национализма, уверяет он нас, — «в способе производства, преобладающем в данном обществе» (8). Он считает, что «накал национализма в девятнадцатом и двадцатом столетиях есть отражение и следствие индустриализма — способа производства, возникшего и распространившегося именно в этот период» (6).

Геллнер разделяет историю человечества на «три основные стадии: доаграрную, аграрную и индустриальную. Племена, живущие охотой и собирательством, были и остаются слишком малочисленными, чтобы у них развился тот тип политического разделения труда, продуктом которого является государство... Напротив,

⁴⁶ Занятно, что Андерсон, как и Геллнер, апеллирует к «Руритании» из романов Энтони Хоупа. Что за странная мания эта Руритания — тоже мне аргумент! Уважающий себя ученый не прибегнет к аргументации *ad hominem* и не станет учитывать мнение романиста Хоупа при всех его дарованиях.

аграрные общества — хотя и не все, но в большинстве своем — оформлены государственно»⁴⁷.

Национализм по Геллнеру, якобы, невозможен «в условиях аграрной эпохи» (43).

Заявление как минимум нелепое. Вся история аграрной эпохи стоит на этнических войнах, сопровождавшихся таким подъемом национализма, что хоть куда! Одна Столетняя война, окончившаяся тем, что гигантская волна поднявшегося во весь рост французского национализма смела англичан с земли Франции, чего стоит! В середине XV века вопрос национальной принадлежности (англичанин или француз) был вопросом жизни и смерти. Привести массу других примеров, когда национальность становилась поводом для убийства или порабощения, ничего не стоит с самых первых свидетельств истории. А разве не в этом состоит максимальное выражение национализма?

Но даже если исходить из определения национализма, данного Геллнером, придется признать, что установление национальных культур и национальных государств ведет свой отсчет с глубокой античности. Такие государства устанавливались не везде и не всегда — но ведь и сегодня они существуют не всегда и не везде. Количественная оценка тут никак не влияет на качество феномена.

Все написанное Геллнером (а написано много, чуть ли не полкниги) про

⁴⁷ Такой подход лишь затемняет суть вопроса. Дело не в малочисленности или многочисленности (бывают племена в десятки тысяч людей), а в разделении труда, без которого невозможно государство. А разделение труда невозможно без эксплуатации человека человеком, в частности без рабовладения. Рабовладение же появляется лишь на определенной стадии развития производства, которая позволяет содержать раба хотя бы минимально. Вот в чем корень! Если уж рассуждать по истмату...

аграрное и индустриальное общества я не нашел в себе духа конспектировать и считаю, что даже обсуждать это незачем. Поскольку все просто из пальца высосано, аргументов — ноль! Безответственная болтовня; ниже уровня какой бы то ни было критики.

Благо нашелся фанат Геллнера И.И. Крупник, который попытался в послесловии «Об авторе этой книги, нациях и национализме» своими словами изложить учение мэтра:

«Национализм, по Геллнеру, — особое историческое состояние, наиболее соответствующее периоду активной индустриализации. Это вовсе не признак отсталого общества; он расцветает в условиях достаточно высокой грамотности, средств информации и коммуникации, появления национальной элиты, потребности общества в квалифицированных кадрах (все это, как и сам национализм, легко обнаруживается уже в античном мире. — А.С.). Национализм — движение больших городов и индустриализирующихся масс; на отсталых окраинах, в сельской местности, где национальная культура воспроизводится повседневной средой, для него нет почвы и простора» (314)

Пусть бы он это объяснил узбекам Ошской области, в основном именно сельских районов, когда их громили там киргизы. Да и статистика это опровергает: русский национализм растет сегодня сильнее всего именно на селе и в малых городах.

Не буду задерживать на данной теме внимание читателя, но замечу лишь одно.

Каким мне представляется нормальный ход мысли? Поставим правильные вопросы. Допустим, нация появляется в индустриальном обществе. Но — не на пустом же месте, из ничего! Что же ей предшествовало исторически? Что именно? Какими свойствами это «что-то» обладало? И т.д. Тогда бы сразу выяснилось, что нации возникают из народов, народы из племен —

и т.д., то есть в основе нации всегда лежит этнос, чистый или метисированный. Без понимания природы этноса нельзя понять природу нации, эти понятия неразрывны.

Идея стадийного исторического развития этноса — от первоначального родо-племенного состояния до состояния суверенной нации — позволяет исследователю более исторично подходить и к явлению национализма, предполагая в нем такую же стадийность.

Соответственно, это дало бы возможность более верно датировать как появление наций, так и появление национализма. А для начала — перестать увязывать эти два появления, которые вовсе не обуславливают друг друга. Якобы национализм появляется только на стадии наций. Эта навязанная конструктивистами ложная взаимосвязь — лишь плод недоразумений, как исторического, так и лингвистического. Необходимо сказать об это несколько слов.

Трайбализм — начальная фаза национализма⁴⁸

Начнем, по завету Конфуция, «исправлять имена». Все дело в том, что этимологически «национализм» связан не только и не столько с «нацией», сколько с «национальностью» (этничностью). Если следовать отечественной традиции нациеведения, наиболее истинной и прогрессивной на сегодня, массовое явление национализма следует понимать как действие инстинкта самосохранения этноса.

Национализм, естественно обостряющийся в народе, движущемся к обретению своей государственности и тем самым к преобразению в нацию, вовсе не принадлежит только этому периоду

развития этноса. Поскольку является ничем иным как актуализацией этничности, которая происходит по самым разным поводам, особенно если эта этничность оказывается под угрозой.

Геллнер и иже с ним, как мы убедились выше, неглубоко копают, не смотрят в суть вещей. Они неправильно датируют национализм, каковой уходит корнями в трайбализм, а тот — еще далее, в инстинкт продления рода, защиты территории и своего племени, разделения всех на своих и чужих и т.д., равно присущий как первобытным общинам, так и разнообразным популяциям животных, живущих стаями. Это явление описано еще у Дарвина: 1) «Поступки рассматриваются дикарями как хорошие или дурные единственно смотря по тому, влияют ли они очевидным образом на благо племени — но не вида и не отдельного члена племени»⁴⁹; 2) «Животные, одаренные общественными инстинктами, находят удовольствие в обществе, предостерегают друг друга об опасности, оказывают товарищам разными способами защиту и помощь. Эти инстинкты не распространяются на всех особей данного вида, но только на членов одной и той же общины».

Вот в этом всем и состоит извечная глубинная, природная суть как трайбализма, так и национализма. Ее замечательно выразил еще сто лет назад великий китайский мудрец и общественный деятель Сунь Ятсен: «Смысл термина “национализм” понятен без особых разъяснений. Например, человек всегда узнает своих родителей и не спутает их с прохожими, так же как и не примет прохожих за родителей. То же следует сказать и о чувстве национализма — оно у каждого в крови. Хотя с тех пор, как маньчжуры вторглись в Китай, прошло уже более 260 лет, любой ханец, даже ребенок, встретив

⁴⁸ Трайбализм — чувство племенной солидарности, заставляющее предпочитать членов своего племени чужакам, а традиции, интересы и права своего племени ставить выше таковых у окрестных племен.

⁴⁹ Дарвин Ч. Происхождение человека и половой подбор. СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1908. С. 107.

маньчжура, сразу узнает его и никогда не примет за ханьца. В этом — суть национализма»⁵⁰. Не думаю, что суть трайбализма можно выразить адекватнее, нежели в тех же словах.

Не то чтобы Геллнер не догадывался о существовании у национализма своего «бэкграунда»: «Националистический принцип как таковой... имеет очень глубокие корни в наших общих современных условиях. Поэтому он вовсе не случаен и не может быть с легкостью отброшен» (128). Но где эти корни? Какие? В чем эта неслучайность?

Конкретного толкового и ясного ответа на эти вопросы Геллнер не дает, багажа не хватает. И превратно устроен его личный интеллект, иначе он не написал бы, к примеру, что в «безгосударственных обществах проблема национализма не возникает. Если нет государства, естественно снимается вопрос о совпадении государственной границы с границами нации» (29). Как видим, все поставлено с ног на голову! Борьба безгосударственного народа за свой суверенитет и государственность как раз и составляет самое главное содержание национализма во всех таких случаях. Но раз приняв за национализм отвлеченный рассудочный принцип, Геллнер, не желающий в упор видеть очевидного, теперь везде ищет этот принцип — и ничего более. Найти, конечно же, не может...

Он продолжает потрясать умом: «Если же нет государства, нет и правителей, а значит, вопрос об их национальности тоже сам собой отпадает» (299–300).

Смешно, не правда ли? Во-первых, государства может не быть, а правители найдутся: заместники другого государства или вожди догосударственных племен. Во-вторых, встречаются некоронованные короли — неформальные главы национальных сообществ

типа цыганских баронов или руководители любых диаспор. В-третьих, бывают предводители непризнанных «государств в государстве», к примеру, председатель нигде не зарегистрированного меджлиса крымских татар, чье слово, однако, — закон для всей 250-тысячной общины. Или тайный еврейский национальный суд Бет-дин, действующий даже в Израиле, приговоров которого трепетно боятся все евреи. И т.д., и т.п. Во всех подобных случаях (а я еще не все перечислил) вопрос о национальности правителя не только не «отпадает», но становится во главу угла! И как прикажете относиться после этого к нашему премудрому корифею?

Корифей тем временем перечисляет разновидности национализма — патриотизм, национализм, трайбализм — и пишет: «Трайбализм никогда не бывает процветающим, потому что когда он действительно становится таким, все относится к нему с уважением, как к истинному национализму, и никто не рискует называть его трайбализмом» (188).

Непонятно: откуда такое пренебрежение свысока? Что же плохого или недостаточного в трайбализме, почему он и сам по себе не заслуживает уважения? Довольно нелепо получается. Ведь по сути даже сам Геллнер признает, что перед нами одно и то же, просто трайбализм — это национализм на ранней, племенной стадии развития этноса, а национализм — это трайбализм на поздней стадии его развития, в том числе на стадии народа и нации.

В свете сказанного повисает даже не в воздухе, а поистине в безвоздушном пространстве тезис Геллнера, оброненный им как обычно походя, безапелляционно, но бездоказательно, да еще и в противоречии самому себе: «Вопреки убеждению людей и даже специалистов, национализм не имеет глубоких корней в человеческом сознании» (87). Имеет, еще какие. И даже не только в сознании, но и гораздо глубже, в ма-

⁵⁰ *Сунь Ятсен*. Три народных принципа и будущее Китая. Выступление 21 декабря 1906 г.

трице инстинкта, заложенной в представителе вида еще при зачатии.

Итак: может ли быть национализм, если еще не сформирована нация? Конечно! В том числе, вопреки утверждению Геллнера, в аграрных обществах. Ведь, как сказано выше, слово «национализм» напрямую коррелирует не с понятием «нация» (тут связь только чисто лексическая), а с понятием «национальность», т.е. этничность. Национальность-этничность есть и у члена племени (ирокез, дакот, дрегович, вятич и т.д.), хотя до нации этому племени еще расти и расти. Ирокезы, дакоты и сиу, тутси и хуту, и т.д. и т.п. — не нации, а племена и народы, но национализма у них хоть отбавляй! И рубятся-режутся, и умирают они за этот национализм самым примерным образом.

Замечу, что главный тезис Геллнера о том, что нации порождены национализмом, тоже предполагает первичность национализма, существующего до образования наций. Перед нами очередное противоречие корифея...

Итак, расстанемся с заблуждением, будто национализм есть что-то новое, сугубо современное. Ибо он сопровождает род *homo* с тех самых незапамятных пор, как на Земле образовались первые племена.

Общая оценка

Надеюсь, после такого внимательного рассмотрения первоисточника читатель будет со здоровым скепсисом воспринимать максимы Геллнера (по обыкновению, бездоказательные), подобные этой: «Национальная принадлежность — не врожденное человеческое свойство, но теперь оно воспринимается именно как таковое» (34).

Но дело не в отдельных максимах.

Как относиться к «евангелию от конструктивизма» в целом — сиречь, к книге Эрнста Геллнера «Нации и национализм»?

Например, И.И. Крупник видит заслугу Геллнера в том, что он проти-

вопоставил «четырёхчленному сталинскому определению» — «иное понимание нации» (306).

Одному злокачественному заблуждению — другое: скажу на это я.

На мой взгляд, жанр данной книги — «сочинение» или «рассуждение». Другого определения этот труд не достоин. Автор не снисходит до аргументов, не приводит примеров, кроме самых примитивных и неубедительных, не оперирует фактами и их совокупностью, не делает обобщений на их основе. Убогий до неприличия аппарат сочетается с широковещательными тезисами и выводами. Его «типология» национализма вряд ли может быть названа таковой из-за своей очевидной нелепости (200), ее даже внятно пересказать невозможно, настолько она нелепа⁵¹. Какое-то бредоумствование недоучившегося школьника насчет обществ аграрной и индустриальной культур (якобы национализм возможен только во втором). Непонимание того, что т.н. «трайбализм» — это и есть национализм доаграрного и раннего аграрного общества. И т.д.

Трудно найти случай менее систематического и логического мышления, чем у Геллнера. Редкостный пример, образцово-показательный!

Кстати, вообще для «науки мнений» характерен пиетет перед авторитетами, никому порой вообще не известными, — например, какой-нибудь никому, кроме Геллнера, уже не ведомый «судья Оливер Уэнделл Холмс», который что-то там такое «однажды заметил». Типичная аргументация *ad hominem*, недопустимая ни в приличном тексте, ни в приличном научном обществе.

Этой аргументацией у многих деятелей западной науки принято при-

⁵¹ Пусть уважаемый коллега Сергей Михайлович Сергеев, специалист по декабризму, объяснит, к примеру, что у Геллнера означает «декабристская революционная, но не националистическая ситуация» (200), а я — не в силах.

крывать свою неосведомленность в источниках. Геллнер, как и прочие конструктивисты, вынужденно ссылается на Вебера, ибо Маркс не дал такой возможности, а больше им не на кого ссылаться. Вот Геллнер и признается с самоуверенностью невежды и верхогляда:

«Автору, придерживающемуся мнения, что история националистических идеологий и учений не способствует пониманию национализма, возможно, и не стоит вступать в споры о его интеллектуальных истоках. Поскольку учение не имеет достойной внимания родословной, стоит ли обсуждать, кто представлен, а кто — нет, в его генеалогии» (267).

И с таким мнением он посмел приехать со своими пустыми проповедями к нам, в Россию, где традиция националистической мысли включает в себя такие блестящие, глубокие умы, как Пестель и Рылеев, славянофилы, Михаил Меньшиков и Петр Ковалевский, не говоря уж о многих более современных авторах! Ему бы русский язык выучить, да засесть за серьезные книжки, поучиться национализму у русских авторов...

К сожалению, этим верхоглядным хамством ему удалось заразить многих и многих в нашем отечестве.

II.2. Эрик Хобсбаум — канонизированное недоразумение

Перед нами, как на грех, еще один английский еврей-марксист: Эрик Хобсбаум⁵². Между Геллнером и Хобсбаумом очень много общего, что отмечал еще Энтони Смит: «Как и Геллнер, Хобсбаум утверждал, что нации — это продукт национализма как в концептуальном, так и в историческом отношении. А затем он перешел к доказатель-

ству того, что основная особенность и цель национализма, равно как и его собственное притязание, которое следует принимать всерьез, заключалось в его стремлении построить “национальное государство”»⁵³.

Но основное преимущество этого конструктивиста, с точки зрения тех, кто его пропагандирует, состоит в том, что сей блестящий ум нацию искал, но не нашел (в отличие от Геллнера, который их нашел легион и все разные). Более того, вызрела целая генерация авторов, пытающихся, вослед Хобсбауму, убедить нас в том, что при нащупывании этого понятия «и субъективные, и объективные определения несовершенны и ставят нас в тупик»⁵⁴. Отрицание объективной природы этносов и наций стало модным в определенных научных и околонучных кругах в большой мере благодаря Хобсбауму.

Но как же в таком случае быть? Перед нами — методологический и терминологический коллапс?

Не нашедший нацию

Хобсбаум уверяет, что так оно и есть:

«Проблема в том и заключается, что мы не способны растолковать наблюдателю, как *apriori* отличить нацию от других человеческих сообществ и групп — подобно тому, как можем мы ему объяснить различие между мышью и ящерицей»⁵⁵. В итоге, убоившись бездны премудрости, Хобсбаум гордо заявляет, выдавая свою слабость за силу: «Самой разумной переходной установкой для исследователя является в данной области агностицизм, а потому мы не принимаем в нашей книге никакого априорного определения нации»⁵⁶. Многочисленные рос-

⁵³ Смит Э.Д. Указ. соч. С. 227.

⁵⁴ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. С. 17.

⁵⁵ Там же. С. 12.

⁵⁶ Там же. С. 17.

⁵² Мне о Хобсбауме приходилось писать и ранее; эти материалы отчасти использованы в данном очерке.

сийские и западные адепты этого гуру (конструктивисты всех сортов) охотно множат подобные заявления.

Остается загадкой: как, отказавшись принципиально даже от попыток определить нацию, можно писать книги и статьи на тему «нация и национализм». Уму непостижимо!

Столь горделивый отказ использовать свои мозги ради поиска истины сравним только с так называемыми «парадами гордости гомосексуалистов», хотя нормальному человеку невозможно постичь, какая может быть гордость у мужчины, предоставляющего себя в сексуальное пользование другому мужчине. Точно так же непонятна мне «гордость» ученого, расписавшегося в собственном научном бессилии.

Причина такого бессилия понятна: это отказ исследовать сам предмет от его истоков (то есть этногенез как таковой), но исследование вместо того различных точек зрения на предмет. Этому пороку подвержена вся западная идеалистическая общественная наука, давно превратившаяся из науки знаний и фактов — в науку мнений.

Отказ Хобсбаума от поиска объективного критерия нации во многом связан также с тем, что в качестве наиболее известного (читай: авторитетного) он рассматривает определение нации, данное... Сталиным⁵⁷. Оно уже давно и достойно развенчано в целом и по частям, однако Хобсбаум предпо-

читает отталкиваться именно от него. Надо ли говорить, что ошибки Сталина не должны вводить современного ученого в научный ступор и что Хобсбаум в своем разочаровании зашел излишне далеко.

Отчасти, как для любого западного исследователя, для Хобсбаума дело привычно осложняется лексическим убожеством англоязычия: единым словом *nation* обозначается и собственно нация, и народ, и национальность, и даже, отчасти метафорически, государство, как это видно на примере ООН. Но при этом тот же язык дает и ключ для выхода из тупика, ибо корень латинского слова *natio* — а именно, *nat* — означает не что иное как «род».

Точно так же, как русское слово «народ», латинское слово *natio* (оригинал, многочисленные копии с которого вошли едва ли не во все языки мира) четко и ясно обнаруживает этимологическую связь, указывающую на кровную, племенную сущность этого понятия. «Народ» и «нация» изначально тождественны. И в античные времена этим словом обозначалось именно племя⁵⁸.

Но в наши дни неразбериха с самыми насущными понятиями «народ» и «нация» достигла в западном мире таких масштабов, что даже работа над основополагающими документами ООН, включая Устав этой организации, оказалась сильно затруднена⁵⁹. Во многом, как выяснилось, это связано с тем, что оба термина имеют разные смысловые оттенки в английском, немецком, французском и русском язы-

⁵⁷ Там же. С. 12. Как видим, определенная заикленность на Сталине свойственна английским марксистам, что Геллнеру, что Хобсбауму. Между тем в отечественной науке уже давно высказано предложение отказаться от представления, будто бы Сталин дал адекватное определение нации (*Бурмистрова Т.Ю.* К вопросу о формировании и развитии русской нации // *Русская нация в союзе народов СССР: (М-лы научно-практич. конференции).* Куйбышев, 1990. С. 22. Ныне это предложение успешно реализуется в России.

⁵⁸ *Оль П.А., Ромашов Р.А.* *Нация (Генезис понятия и вопросы правосубъектности).* СПб.: Изд-во Юридического ин-та, 2002. С. 6–7.

⁵⁹ *A. Rigo Sureda.* *The Evolution of the Right of Self-Determination: A Study of United Nations Practice (Leiden: A.W. Sijthoff, 1973).* Обзор точек зрения четырех государственных инициаторов и других участников в майской дискуссии 1945 года см. в: *Ibid.* P. 97–120.

ках. В итоге остановились на формулировке: «[термин] “нации” используется применительно ко всем политическим образованиям, государствам и негосударствам, в то время как [термин] “народы” относится к группам людей, которые могут составлять или не составлять государства или нации».

Как видим, практическая потребность политиков хоть как-то договориться заставила разработчиков расширить понятия до полной неопределенности содержания. Жертвой чего стали многие деятели науки, Хобсбаум в том числе.

Наука, однако, не может следовать подобным путем, это очевидно.

К счастью, российскому ученому нет никакой необходимости оглядываться на Запад. Ему не столь трудно определиться по поводу нации и ее отграничения от других сообществ, поскольку в России есть достаточно крепкая, сложившаяся научная традиция, подвергать которую пересмотру я не вижу оснований. Еще знаменитый «Толковый словарь» Даля разъяснял: «Нация *ж. франц.* Народ, в обширном знач., язык, племя, колено; однородцы, говорящие одним общим языком, все сословия». Все четко, строго, ясно, понятно и вполне приемлемо в качестве отправной точки для современных размышлений, поскольку прямо подчеркивает этничность как основу нации.

К сожалению, в дальнейшем развитии верных представлений о нации в отечественной науке долгое время мешал диктат антинаучных представлений, выработанных школой т.н. марксизма-ленинизма, начисто отвергавшей биологическое содержание понятия нации. О том, какие грандиозные политические ошибки были заложены этим подходом, легко судить, читая хрестоматийные марксистские описания нации. Например, в одном из последних советских изданий БЭС философ-марксист С.Т. Калтахчян указывал: «Общность территории как

условие существования социалистических наций также приобретает новое качество. Границы национальных республик, например, в СССР не имеют уже своего бывшего значения, не ведут к обособлению наций». Или — еще того пуще: «Опираясь на марксистско-ленинскую теорию, можно предвидеть, что полная победа коммунизма во всём мире создаст условия для слияния наций и все люди будут принадлежать к всемирному бесклассовому и безнациональному человечеству, имеющему единую экономику и единую по содержанию богатейшую и многообразную коммунистическую культуру».

Жизнь убедительно показала все историософское ничтожество подобных установок и перспектив, разбивала вдребезги прекраснодушные и беспочвенные мечтания марксистов-ленинцев. Сегодня мы вспоминаем о них только как о курьезе, уже не способном влиять на развитие науки. Но и забывать о них и их бесславном развенчании нельзя, ибо теперь наше сознание вновь атакуют современные марксисты, на сей раз уж не изнутри страны, а с Запада. Сбитые с толку собственными языковыми трудностями, они дружно пытаются переложить их на плечи читателей.

Но если англоязычный читатель еще может отнестись к этому с пониманием, сам будучи в той же ситуации, то с какой же стати нам следовать тем же путем? У нас, к счастью, есть своя собственная традиция нациеведения.

Как резюмировал, с соответствующими ссылками, в своей докторской диссертации историк А.И. Вдовин (МГУ): «В отечественной обществоведческой традиции советского периода под нацией чаще всего понимали *определенную ступень в развитии народа (этноса)*, историческую общность, результат развития капиталистических отношений, приводящих к экономическому, территориальному, культурному, языковому и социально-психологическому единству опреде-

ленной совокупности людей, стремящихся обеспечить интересы своего дальнейшего независимого развития *непрерывно с помощью обособленного национального государства*»⁶⁰ (выделено мной. — А.С.).

Оставив в стороне историю вопроса, подчеркну, что для современного нам круга российских ученых, за вычетом экзотистов-конструктивистов, это понимание в своих главных, опорных тезисах — 1) нация есть фаза развития этноса, в которой он 2) создает свою государственность, обретает суверенитет — утвердилось до степени постулата.

Хобсбаумы, конечно, российских источников не изучают, а зря. Потому что представляется совершенно непонятным, как можно писать книгу о нациях и национализме (названия у Геллнера и Хобсбаума практически дословно совпадают), не разобравшись в основном понятии.

У кого что болит, тот о том и говорит

Зачем вообще Хобсбаум взялся за трудную тему, в которой не преуспел даже по собственному признанию? Что его заставило вновь и вновь пытаться по-донкихотски наскокивать на действующие в тысячелетиях константы наций и национализмов, пытаясь их дезавуировать?

Пафос Хобсбаума, в конечном счете, — не более и не менее как вполне ожидаемая, закономерная рефлексия на Холокост, память о котором кипятком обжигает каждого настоящего еврея. Сверхзадача, которой подчинены его тексты, — вскрыть корни этнической нетерпимости и этнических чисток с целью их профилактики в будущем. В этом же секрет мощнейшей поддержки конструктивизма и лично Геллнера и Хобсбаума могуществен-

ным мировым научным еврейским лобби.

К примеру, Хобсбаум отпугивает читателя от любого национализма: «У людей, которые всегда встают перед выбором “или/или”, политика ведет или может вести к геноциду». Это, понятно, не аргумент в научном споре: какая разница ученому, как будет утилизирована научная истина. Но перед нами — истинный мотив Хобсбаума.

Он, конечно, неправ с точки зрения как истории, так и политики. Ведь выбор приходится делать все время, причем выбирать надо либо своих, либо чужих, *tertium non datur*. Поэтому надо честно признать, каким должен быть ответственный выбор: лучше геноцид чужих, чем национальное самоубийство! О том, что лежит на другой чаше весов, свидетельствует жалкая судьба европейских народов, бесславно и бессильно сходящих со сцены истории, оставляя все великолепное наследство предков — всю эту мощь, богатство, красоту, созданную былой витальной силой европейца, — народам, которые не сделали (и не могли сделать) ничего для утверждения этой славы.

Снова и снова возвращаясь мысленно на излюбленное пепелище, Хобсбаум склонен объяснять все главные, на его взгляд, беды XX века «крахом многоэтничных Австро-Венгерской, Османской и Российской империй в 1917–1918 гг. и характером мирных послевоенных решений относительно пришедших им на смену государств. Сутью этих решений являлся план Вильсона по разделу Европы на этноязыковые территориальные государства — проект столь же опасный, сколь и непрактичный, и реализуемый разве что за счет насильственного массового выселения, принуждения и геноцида, за которые впоследствии пришлось расплачиваться»⁶¹.

⁶⁰ Вдовин А.И. Российская нация. Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М.: Либрис, 1995. С. 28.

⁶¹ Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. С. 337.

Вот где он, корень неприятия самой идеи национального государства! А отсюда уж и стремление запутать, затушевать, извратить — и в любом случае поставить под сомнение базовые понятия, обуславливающие такую идею. А именно: нации и национализм.

Понятна также тревога Хобсбаума по поводу того, что «сейчас историки делают для национализма то же самое, что производители мака в Пакистане для наркоманов: мы снабжаем рынок основным сырьем».

Но как запретишь ученым двигать вперед науку? Если объективные научные данные (исторические, культурологические, лингвистические, этолого-психологические, да какие угодно) свидетельствуют в пользу национализма, значит любые попытки его подрывать — есть ничто иное как мракобесие и обскурантизм. Для человека, причисляющего себя к миру науки, — поступок отвратительный и постыдный.

Напротив, встав на попрание служения знанию, надо не прятать голову в песок и не плевать против ветра, а смело ставить все паруса и мчаться на том самом ветре к пределам научной истины. В нашем случае — честно исследовать феномен нации и национализма как объективную реальность, а не как некий конструкт, который не может ее заменить.

Главная проблема Хобсбаума в искусственно зауженных горизонтах мышления. Ведь он не случайно берет в рассмотрение только поверхностный пласт проблемы, обращая лишь к политическим событиям и решениям. В конце концов, очевидно, полагают он, события создают и решения принимают люди — может быть, удастся их уговорить чего-то не делать? Не правдой (правда на стороне националистов) — так полуправдой, сеющей сомнения.

Но все дело в том, что рациональный слой национальных отношений — ничтожно тонок. Ибо они как таковые являются результатом куда более глу-

бинных мотиваций, восходящих, как и положено, к основным инстинктам. А инстинкты даны нам природой, и не человеку их отменять. Подавленный инстинкт — гарантия в лучшем случае невроза, в худшем — психоза. От чего упаси нас бог.

Метания ошпаренного

Конечно, Хобсбаум несколько основательнее уж совсем голословного Геллнера. Но предвзятые установки порождают такую его характерную черту мышления как непоследовательность. Он то подходит довольно близко к верному пониманию нации, то вновь отступает. Поведение Хобсбаума в пространстве нациеведения, напоминающее движение броуновской частицы в проруби, представляет некоторый интерес отдельными попытками связать концы с концами, исторические факты и политический опыт — с собственными навязчивыми идеями. Он, то хочет казаться объективным, то снова бросается в полынью идеализма и субъективизма, донкишотствуя в мнимо благородной битве с нациями и национализмом. Бросим взгляд на некоторые из этих попыток.

1. Вот он утверждает, что «современная нация» может пониматься «и как отдельное государство, и как народ, стремящийся подобное государство создать». Вроде бы — долгожданный позитив. Но тут же следует ссылка на классика конструктивизма Бенедикта Андерсона, что-де нация есть «воображаемая общность», годная только, чтобы «заполнить эмоциональный вакуум, возникший вследствие ослабления, распада или отсутствия реальных человеческих сообществ и связей»⁶².

Или вот еще: Хобсбаум считает единое территориально-политическое образование — «важнейшим критерием того, что мы сегодня понимаем под “нацией”»⁶³. Вроде бы это про государ-

⁶² Там же. С. 74.

⁶³ Там же. С. 75–76.

ство? Опять горячо! Но тут же указывает на «элементы, которые для нашего современного понимания “нации” являются чрезвычайно характерными, если не центральными: язык и этнос»⁶⁴. Небрежности, неувязки, слабая логика, нечеткое мышление... Достаточно, чтобы не искать в этом источнике ничего, кроме случайной фактуры.

Робкий путаник Хобсбаум признает, что для того, чтобы тот или иной народ мог быть причислен к нациям, он должен перешагнуть некий «порог», каковой он определяет по трем критериям: 1) историческая связь народа с современным государством или с государством, имевшим довольно продолжительное и недавнее существование в прошлом; 2) существование давно и прочно утвердившейся культурной элиты, обладающей письменным национальным языком — литературным и административным; 3) способность к завоеваниям⁶⁵.

На мой взгляд, если первый пункт и впрямь решительно необходим, а второй желателен, то последний пункт — столь же решительно ошибочен. Скажем, Грузия, Азербайджан и Молдавия после распада СССР стали, без всякого сомнения, национальными государствами соответственно грузинской, азербайджанской и молдавской нации. При этом вполне ярко и однозначно проявив минусовую способность к завоеваниям: первая потеряла Абхазию и Южную Осетию, второй — Нагорный Карабах, третья — Приднестровье (де-факто). Есть и другие примеры.

В этой связи нельзя еще раз не отметить гораздо большую четкость и глубину отечественных формулировок, не валящих в одну кучу главное и второстепенное, исходное и производное...

2. Далее, Хобсбаум, возможно, тайно сознавая убудочность француз-

ской концепции нации, а возможно, желая поддержать свою репутацию марксиста, пишет: «Нации существуют не только в качестве функции территориального государства особого типа (в самом общем смысле — гражданского государства Французской революции) или стремления к образованию такового; они обусловлены и вполне определенным этапом экономического и технического развития»⁶⁶.

Пытаясь доказать этот тезис с помощью примеров Германии, Италии и Венгрии, Хобсбаум впадает в очередное противоречие. Ему кажется, будто в этих странах максимально созидательно, креативно проявил себя «истинный национализм», построенный по модели гражданской нации, созданной Французской революцией. Что резко противоречит общеизвестному: по крайней мере в двух из трех названных стран (в Венгрии и Германии) торжествовал махровый этнический национализм, в корне противоположный гражданскому национализму а-ля Франция. (У итальянцев, испытывающих большие проблемы с этнической гомогенностью и, соответственно, этнической идентичностью, картина несколько смазанная, но и у них при Муссолини был порыв к этнократии.)

Неудачно избранные примеры не мешают Хобсбауму пойти еще дальше, заявляя о некоем «принципе порога»: якобы только в странах, обладающих территориями и населением, достаточными для поддержания крупной капиталистической рыночной экономики, нации имеют основания для самоопределения в качестве суверенных, независимых государств.

И это, как легко может видеть читатель, никуда не годное положение, ибо, во-первых, суверенные национальные государства были и в докапиталистическом мире, а во-вторых, как заметил анализирующий конструктивизм в связи с марксизмом Сергей Земляной,

⁶⁴ Там же. С. 81.

⁶⁵ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. С. 61–62.

⁶⁶ Там же. С. 20.

его опровергает феномен так называемых «несостоявшихся государств» (сегодня их около 60).

«Истинному» национализму, какковым он вовсе, как мы видим, не является, Хобсбаум противопоставляет этнолингвистический национализм, именуемый им «ложным» — и тоже всуе. Ибо речь идет о малых народах в составе империй, потребовавших самоопределения и суверенитета на основании этнического и языкового единства.

Но что же тут ложного? Хобсбаум требует поверить ему: «Апелляция к этносу или к языку не дает никаких ориентиров на будущее. Это всего лишь протест против существующего положения, а точнее, против “других”, которые каким-то образом угрожают данной этнической группе»⁶⁷.

А так ли это? Критерий истины, как известно, — практика. Критерием же практики является успех. Успешно — значит истинно: албанское Косово, Южная Осетия, Абхазия, де-факто Приднестровье, де-факто Чечня... Сколько же надо еще примеров, чтобы убедиться в том, что такой «этнолингвистический» национализм не менее истинен, чем любой другой!

Самокастрат

Метания Хобсбаума, на мой взгляд, вызваны тем, что у него еще осталась некоторая совесть ученого, которая периодически вынуждает к компромиссам между научной истиной, состоящей в признании подлинности наций (и всего комплекса аффилированных понятий), и собственной позицией, резко заявленной еще в 1983 году на страницах подготовленного им сборника «Изобретение традиции»⁶⁸ (с чего, собственно, и началась его известность как конструктивиста). Заняв — и жестко — эту позицию, Хоб-

сбаум как историк оскопил сам себя:

«“Изобретенная традиция” означает совокупность практик, как правило, ограниченных открыто или молчаливо признанными правилами ритуального или символического характера, направленных на привитие определенных ценностей и норм поведения путем повторения, которое автоматически подразумевает преемственность с прошлым. В сущности, там, где это возможно, они обычно пытаются установить преемственность с соответствующим историческим прошлым». Таким образом, традиция (в том числе национальная традиция) предстает в интерпретации Хобсбаума как нечто исключительно рукотворное, как некий артефакт, созданный людьми. Как будто на самом деле у этносов нет ни досоциального прошлого, ни идущих из него традиций.

И далее автор перебрасывает мостик непосредственно к нациям и всему, что с ними связано. А именно, он утверждает, что изучение изобретенных традиций «крайне важно для относительно недавнего исторического нововведения, “нации” и связанных с ней явлений: национализма, национального государства, национальных символов, историй и т.д. Все они основаны на упражнениях в социальной инженерии»⁶⁹. Аргумент Хобсбаума (постройка в XIX в. здания британского парламента в псевдоготическом стиле⁷⁰) слабават и не тянет на столь реше-

⁶⁹ Ibid. P. 13–14.

⁷⁰ Стиль «эkleктика» (и производный от него «историзм»), господствовавший в ту эпоху и определивший, в частности, обращение к готике в данном частном случае, связан не столько с тем, о чем думал Хобсбаум, сколько со своеобразным «подведением итогов» в европейской эстетике, когда актуализировались лучшие достижения прошлого со времен античности, что выражалось, в частности, в массовом создании реплик во всех родах искусства. Особой популярностью пользовались Готика и Ренессанс. Такой ре-

⁶⁷ Там же. С. 278.

⁶⁸ *Hobsbawm E. and Ranger T. (eds.). The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.*

тельное обобщение. Но он продолжает развивать свой тезис или, лучше сказать, свое мнение.

Он утверждает, что изобретение традиций стало особенно популярно и востребовано в Новое время, ибо «стремительное преобразование общества ослабляет или разрушает старые модели, для которых были предназначены “старые” традиции, создавая новые, к которым они неприменимы, или когда такие старые традиции и их институциональные носители или распространители оказываются недостаточно приспособляемыми или уничтожаются»⁷¹.

И вот, наиболее активные националисты используют-де реальное прошлое своего народа как своего рода кладовую, где хранятся исторические заготовки для новых традиций. В результате чего создается как бы «с чистого листа» новая священная история нации-государства — мощная основа для национализма и нациестроительства со всеми вытекающими последствиями (читай: этническими чистками, холокостами и пр.).

Примеры Хобсбаума, однако, и тут не слишком убедительны. По его мнению, на этой стадии должна быть «изобретена историческая преемственность, например, путем создания древнего прошлого, не связанного с действительной исторической пре-

емственностью, при помощи полувымысла (Верцингеторикс, Арминий Херуск) или подделки (Оссиан, чешские средневековые рукописи)»⁷². Рядом с Верцингеториксом и Арминием Хобсбаум поставил и Рюрика, при этом утверждая почему-то, что писанная история Руси-России начинается вовсе не с летописей, а с так называемой еврейско-хазарской переписки середины X в.

Уж лучше бы он не трогал историю Руси! А то ведь трижды соврал в коротком абзаце. Ибо, во-первых, есть памятники и более ранние. Во-вторых, значение летописей как исторического источника несопоставимо ни с каким другим. А в-третьих, мифология исторической преемственности у нас, конечно, существует, но только не с летописного Рюрика (тут мифического, как утверждает наука, мало), а с генеалогии российских государей от четвертого (!) сына Ноя — Арфаксада, египетских фараонов, Александра Македонского и римского цезаря Августа, которая изобретена и пропагандируется в «Послании о Мономаховом венце», созданном монахом Спиридоном-Савой между 1513 и 1523 гг.⁷³. Однако данная «мифология с генеалогией» русскими националистами последних трехсот лет, насколько я знаю, в пропаганде не используется.

Но суть дела в другом: хотя подделки национального исторического прошлого встречались и встречаются (взять хоть «Велесову книгу»), это не отменяет наличия самого национального исторического прошлого. Больше того, не было бы его — нечего было бы и подделывать. Кому нужны были бы макферсоновские «Песни Оссиана», если бы в реальности не существовали шотландцы? Кого волновали бы пасти-

пликой был и Вестминстерский дворец. Хотя обращение в данном случае к высокому Средневековью, несомненно, позволяло напомнить нации об исторических корнях (явление того же рода — здание Городской думы в Москве и мн. др.). Но только английских ли? Ведь если уж на то пошло, то импульс к готическому зодчеству Англия получила из Франции, яркое свидетельство чему — строительство Вестминстерского аббатства в Лондоне (образцом служил, в первую очередь, Нотр-Дам де Пари; при этом даже камень, желтосерый песчаник, везли из Франции, чтобы все было «как там»).

⁷¹ Ibid. P. 4–5.

⁷² Ibid. P. 7.

⁷³ Подробнее см.: *Филошкин А.И.* Василий III. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 140–144.

ши Ганки, если бы не было в мире такого народа, как чехи?

Аргументация Хобсбаума негодна в принципе.

Отрицательные плюсы Хобсбаума

Не все так уж плохо и неверно у Хобсбаума. Иногда он пишет и дельные вещи. Правда, при чтении его сочинений мне не раз вспоминалась нотация профессора студенту из анекдота: «В вашей работе много нового и верного. К сожалению, то, что в ней верно, — то не ново, а то, что ново, — то неверно». Приведу пару примеров из статьи о языках.

1. Важный неважный язык. Хобсбаум правильно отмечает: «Изначально введение стандартного языка преследовало исключительно демократические, а не культурные цели. Как гражданам могли понимать правительство своей страны, не говоря уже о том, чтобы участвовать в нем, если правление осуществлялось на непонятном языке — например, на латинском, как в венгерском парламенте до 1840 года? Не создавались ли тем самым условия для правления элитарного меньшинства? Этот довод был выдвинут аббатом Грегуаром в 1794 году. Поэтому обучение на французском было очень важно для французских граждан, на каком бы языке они не говорили у себя дома. По сути, таким же остается положение в Соединенных Штатах, возникших в ту же эпоху демократической революции. Чтобы стать гражданином, иммигрант должен пройти проверку на знание английского языка.

Вспомним, что даже в 1970-х годах — то есть до начала нынешней волны массовой иммиграции — 33 миллиона американцев, а также неизвестный процент от еще 9 миллионов, не ответивших на соответствующий вопрос, сказали, что английский язык не был для них родным. Более трех четвертей из них принадлежали ко второму или третьему поколению, родившихся в Америке».

Ну и что? Мы и так знаем о том, что язык — не критерий этничности. Да и о том, что американцы — не нация, а конгломерат этносов, стиснутый общим согражданством, по французскому примеру. И то, что единый язык есть хорошее средство гражданской унификации — это тоже не новость. Так что Хобсбаум, конечно, ломится в открытую дверь, делая это с приятной убедительностью.

Однако замечу, что по преданию преимущество английского языка перед немецким в Конгрессе США было установлено ничтожным большинством в один голос, настолько велика и влиятельна была немецкая община того времени. Но если бы немецкий взял верх, то какова была бы затем этническая идентичность американцев? И как бы пошла мировая история в XX веке — с учетом того, что обе мировые войны были инициированы немцами? Это большой вопрос. Недооценивать связь языка и этничности не стоит, как не стоит и переоценивать.

2. Язык и суверенитет. В сущности, Хобсбаум это признает, подчеркивая важную и несомненную взаимосвязь политической и языковой эмансипации народов:

«Целью всех языков, стремившихся в прошлом обрести статус национальных и стать основой национального образования и культуры, было превращение во всеобъемлющие языки на всех уровнях, равноценные языкам крупных культур. И в особенности, конечно, доминирующему языку, вопреки которому они пытались утвердиться. Таким образом, в Финляндии финский должен был заменить во всех отношениях шведский, а в Бельгии фламандский заменить французский. Поэтому настоящим триумфом языковой эмансипации должно было стать создание университета с преподаванием на родном языке: в истории финского, валлийского и фламандского движений дата основания такого университета является зна-

менательной датой в национальной истории. Множество менее крупных языков пытались добиться этого на протяжении прошлых столетий, начиная, наверное, с голландского языка в XVII веке и кончая — пока — каталонским. Некоторые, подобно баскскому, не оставляют попыток и по сей день... Все языки содержат в себе элементы подобного политического самоутверждения, поскольку в эпоху национального или регионального сецессионизма естественно существование тенденции к дополнению политической независимости языковым сепаратизмом».

Наблюдение правильное и вполне научное, если только не ставить телегу впереди лошади и не пытаться изобразить языковую эмансипацию в качестве локомотива эмансипации национально-политической. Первая сопровождает вторую и служит подчас ее верным индикатором, но — не первопричиной.

Отметим приятное здравомыслие автора в данном вопросе, но опять-таки, что тут нового? А главное, наш ошпаренный заяц тут же метнулся в обратную сторону, в очередной раз противореча сам себе. А именно.

3. Язык и сепаратизм. «В заключение сделаем несколько замечаний относительно того, что можно назвать чисто политическими языками, то есть языками, специально созданными в качестве символов националистических или регионалистских устремлений и сепаратистских или сецессионистских замыслов. Никаких оснований для их существования нет (?!). Крайним примером служит попытка воссоздания корнуоллского языка, на котором в последний раз говорили в середине XVIII века, не имеющая никакой иной цели, кроме отделения Корнуолла от Англии».

А что, разве этой цели недостаточно? Или она заведомо недостижима? Так ли? Я лично думаю, что Англия, пошедшая плачевным путем Франции в

плане разрушения государствообразующего этноса англичан (с помощью неконтролируемой иммиграции), развалится на части еще до конца XXI века. Ирландию она уже потеряла; сепаратизм Шотландии вновь набирает силу на наших глазах, почему бы и Корнуоллу не задуматься о полном суверенитете? Сам же Хобсбаум чуть ниже совершенно правильно выражает обеспокоенность:

«Появляется призрак повсеместной балканизации. Реальность проблемы становится очевидной, если принять во внимание проводимую Европейским союзом политику поддержки регионов в существующих национальных государствах, которая *de facto* представляет собой политику поощрения сепаратизма⁷⁴, что быстро поняли шотландские и каталонские националисты».

Что поняли шотландцы, поймут и корнуольцы⁷⁵.

В этом историческом контексте утверждать, будто бы для возникновения «политических языков» нет оснований, я бы не стал.

Ошибки и ошибки

Наряду с позитивной непоследовательностью, творчество Хобсбаума, увы, отмечено и очевидными характерными ошибками.

1. Французская колдобина. Теоретическая телега Хобсбаума не могла, конечно, не застрять во французской колдобине — так я называю парадоксальную ситуацию, в которую неизбежно попадают все, кто принял на

⁷⁴ Правильная бдительность! Жаль, Хобсбаум не задается вопросом, кто стоит за этой политикой поддержки языкового, а с ним и политического сепаратизма. Узнал бы много нового и интересного о собственных соплеменниках.

⁷⁵ Рекомендую читателю блистательную статью на сей счет Олега Неменского «Европейские нации и кризис системы международных отношений» (Вопросы национализма. 2010. № 4).

веру т.н. «французскую» концепцию нации.

Хобсбаум замечает в статье «Все ли языки равны», что «с конца XIX столетия, жители государства отождествлялись с “воображаемым сообществом”, как бы исподволь сплавляемым такими вещами, как язык, культура, этническая принадлежность и т.п. Идеалом такого государства было этнически, культурно и лингвистически однородное население».

Как мы уже знаем, для Хобсбаума такой подход категорически неприемлем в морально-политическом смысле, поскольку чреват этническими чистками («холокостами», да простится мне такое уподобление). Против него он выдвигает, как ему кажется, капитальное обвинение — несоответствие первообразу нации:

«Подобная программа вызвала бы удивление у основателей первых национальных государств. Для них единство нации было политическим, а не социально-антропологическим. Оно состояло в решении суверенного народа жить под общим законом и общей конституцией, независимо от культуры, языка и этнического состава. “Нация, — говорил аббат Сийес со свойственной французам прозорливостью, — это общество людей, живущих под общим законом и представленных одним законодательным учреждением”».

Этот аргумент кажется мне крайне неудачным. Насчет прозорливости французов, которых всегда упрекали скорее в легкомыслии, можно было бы поспорить, видя тот жалкий результат, к которому они скатились уже к 1940 г. (когда немцы поставили их на колени и лишили суверенности всего за сорок дней), а в особенности в наши дни, утратив уже с 1960-х гг. тысячелетнее лидерство в культуре и общественной мысли, утратив свой национальный и расовый облик и вообще встав на край вырождения и гибели. А все потому как раз, что за сто пятьдесят лет перед этим приняли в ходе

Великой Французской революции согражданство за нацию, в полном соответствии с формулой Сийеса.

Французам было бы легко своевременно обезопасить себя от такого зловещего развития событий, загодя исключив предоставление гражданства этническим нефранцузам. Вместо этого они совершили акт национального самоубийства, закрепив в Конституции 1791 г. правовое понятие нации именно как единой общности формально равноправных граждан. С этого момента французская национальность, как на сей раз совершенно верно заметил Хобсбаум, стала означать французское гражданство.

Распространенная и грубая ошибка многих пишущих на тему нации: почему-то принято трактовать французов чуть ли не как первую нацию, а Францию чуть ли не как первое «национальное государство». Но вещи надо называть своими именами: этнический конгломерат, стиснутый рамками общего согражданства, на деле нацией не является. А ведь «французы», окрещенные Сийесом «нацией», были именно таковы. Возведение ложного «принципа Сийеса» в ранг нациестроительного привело только к тому, что французская нация, так и не успев сложиться, сегодня уже настолько размыта и растворена в пришельцах, что не способна ни на какую осмысленную национальную политику, не говоря о национальном сопротивлении. И тихо продолжает растворяться в цветных инородцах и деградировать во всех отношениях.

Уж если искать пример раннего и весьма успешного создания современной нации и национального государства, то обращаться следует не на Запад, а на Восток. Сегуны клана Токугава, закрыв Японию на 300 лет от внешнего мира⁷⁶, гораздо точнее и эф-

⁷⁶ Был установлен т.н. «режим Бакуфу» — изоляции от внешнего мира и внутреннего замирения и усмирения.

фективнее решили эту задачу. К тому моменту, когда пришло время открыть внешний мир для страны, перед этим внешним миром предстала глубоко самобытная и верная крепким традициям, выварившаяся в самой себе, однородная в этническом (генетическом) и культурном отношении, консолидированная духовно и политически нация. Которая именно поэтому, осваивая одно за другим европейские достижения, но оставаясь при этом собой, не теряя национального лица, за какие-то полвека ворвалась в группу мировых лидеров, нанеся попутно тяжелое поражение России, захватив часть Китая и Кореи, а там посягнув и на США.

Национальных государств, приведенных, как Япония, в соответствие с собственным генезисом, пока что не очень много, но есть и такие. Их численность будет непременно расти, в эту лигу национальных государств будут добавляться все новые члены. Тот же Хобсбаум, например, насчитывает не менее двенадцати государств, население которых соответствует идеалу этнической, культурной и лингвистической однородности. Важно, что некоторые образовались сравнительно недавно (как Израиль), указуя дорогу остальным. Хобсбаум приводит и другой пример: Польша, имевшая в 1939 г. треть польского населения, сегодня почти полностью населена поляками, потому что немцы были изгнаны из нее в Германию, литовцы, белорусы и украинцы вошли в состав СССР, затем обретя суверенитет, а евреи были истреблены⁷⁷.

⁷⁷ Тут Хобсбаум излишне драматизирует. Сотни тысяч польских евреев эмигрировали в СССР в начале Второй мировой войны, а после нее весьма многие — в Израиль, чему польское правительство, в отличие от советского, не только не препятствовало, но всячески способствовало. Сегодня еврейская популяция в Польше, насчитывавшая к 1939 г. около 3 млн. чел., насчитывает менее 10 тыс.

К вящему моему удовольствию, в мире наблюдается абсолютное большинство стран, в которых нации создавались не в ходе скоротечного политического момента, как во Франции, и не в результате хаотичного заселения эмигрантами всех мастей, как в Америке (Джон Кеннеди не зря говаривал: «Мы — нация иммигрантов»), а естественным путем длительного развития того или иного этноса. К таким странам относятся, к примеру, Китай, Россия, Туркмения, Киргизия, Грузия, Германия и мн. др. Все они имеют добрую перспективу, подобную японской, израильской или польской, если не позволят растворить в пришельцах свой государствообразующий этнос: истинную нацию.

2. Еще одна неважная важность. Стремясь опорочить нации и национализм — обостренное чувство национальности, конфликтное по своей извечной биологической природе, а на почве этого — все производные ононого чувства, включая национальные государства, Хобсбаум применяет известный прием, разработанный профессором Гумбольдтского университета Клаусом Оффе и детально описанный в учебнике Татьяны Сидориной и Тимура Поляникова «Национализм. Теории и политическая практика» (М.: ВШЭ, 2006)⁷⁸. Это — смена/подмена идентичностей. В чем она состоит? Позволю себе автоцитату:

«Среди “средств предотвращения этнополитики”, педантично разработанных Клаусом Оффе и блистательно изложенных Сидориной, одним из наиболее опасных для нас я считаю “увеличение числа идентичностей”.

“Этот путь, — указывает Оффе, — заключается в изменении такого положения дел, когда принадлежность человека к определенной этнической

⁷⁸ Обстоятельное исследование источника см.: *Севастьянов Александр*. Учиться, учиться и учиться... национализму! // Вопросы национализма. 2010. № 4.

группе составляет сущность его идентичности, чтобы перейти к ситуации многообразия идентичностей — в ней и сам человек, и другие люди, с которыми он связан, в зависимости от конкретных условий считают особо значимыми либо его свойства и качества как человеческого существа, либо его идентичность как члена национальной, профессиональной, этнической или религиозной общности”.

То есть: следует акцентировать, преувеличивать значение все новых общностей (конфессиональных, профессиональных, половых, возрастных и т.д.), чтобы среди них растворилась, затерялась, показалась менее важной — наиболее из всех важная, самая первичная, изначальная, наиглавнейшая: *национальная*.

И еще: следует выстраивать все новые и новые иерархии общностей, но только так, чтобы национальная не оказалась там, где ей положено быть, — на самом верху»⁷⁹.

А теперь сравните со сказанным подход Хобсбаума к «основной теме статьи»:

«Представление об одной-единственной, исключительной и неизменной этнической, культурной или иной идентичности связано с опасным заблуждением. Ментальные идентичности человека — это не ботинки, которые мы можем носить за раз только одну пару. Мы многомерные личности. Чтобы господин Патель начал считать себя прежде всего индусом, британским гражданином, индуистом, человеком, говорящим на гуджаратском языке, выходцем из Кении, представителем определенной касты или родственной группы или носителем какой-то иной роли, он должен столкнуться с представителем иммиграционных властей, пакистанцем, сикхом или мусульманином, человеком, говорящим на бенгальском, и так далее. Нет никакой однозначной платоновской идеи Па-

теля. Все это присутствует в нем одновременно».

Ну, все просто по учебнику!

Однако допустим даже, что мы многомерны. Но ведь никогда все идентичности не работают одновременно в полную силу. Всегда в данный момент доминирует что-то одно. Осуществляя свою мужскую функцию, человек вряд ли задумывается в этот момент о том, например, что он мексиканец и полковник ВВС. И наоборот, командуя полком, он вряд ли проявляет свою сексуальность, хотя по большому счету в нас все взаимосвязано. Та или иная идентичность актуализируется под воздействием благоприятных обстоятельств и временно подавляет другие. Это нормально. Уж конечно, наличие других идентичностей не ставит под сомнение важность, значительность идентичности этнической, которая так же первична, а подчас и так же важна, как половая. И все-таки проявляется, хотя бы стилистически, и в сексе, и по службе.

3. Об этом еще не все знают. Среди ошибок Хобсбаума не все носят злостный характер, некоторые вполне простительны в ситуации почти всеобщего неведения. Например, он пишет о множественной идентичности, лежащей (якобы!) в основе современных наций, приводя в пример, весьма неудачно, немцев:

«Исторически даже в основе национальной однородности лежит такая множественная идентичность. Каждый немец в прошлом и даже сегодня, хотя и все реже, обладал одновременно двумя или тремя идентичностями: будучи представителем “племенного” — саксонского, швабского, франкского — немецкого княжества или государства и лингвистической культуры, сочетавшей единый для всех немцев стандарт письменного языка с множеством разговорных диалектов, причем некоторые из них также начали создавать письменную литературу. (Во время Реформации Библия была переведена

не на один, а на несколько германских языков). В действительности, до Гитлера люди считались немцами в силу того, что они были баварцами, саксонцами или швабами, которые зачастую могли понять друг друга только тогда, когда говорили на стандартном письменном языке культуры».

Акцент на мнимой разнородности немцев — расхожий прием критиков нацизма. До недавнего времени он воспринимался с почтением. Однако новейшие исследования показали, что в реальности немцы — генетически очень однородный народ. В книге антрополога Елены и генетика Олега Балановских «Русский генофонд на Русской равнине» есть роскошная таблица «Генетическая гетерогенность русского народа и других народов Евразии»⁸⁰. Вот некоторые коэффи-

циенты из нее в порядке возрастания гетерогенности: англичане = 0,15; немцы = 0,43; русские = 2,0; тофалары = 7,76. Как видим, немцы, хотя и уступают англичанам, все же почти в пять раз генетически однороднее, чем русские, и в восемнадцать (!) раз — чем тофалары.

Все познается в сравнении. Все немцы, как утверждает сегодня генетика, весьма однородный народ, они все одного германского племени. Не надо преувеличивать их племенные различия, это нечестно. Хобсбаум этого знать не мог, я не обвиняю его в подлоге, но отечественных обществоведов считаю своим долгом предупредить на будущее.

При желании можно было бы без труда еще наковырять ядовитых изюминок из невкусной булочки под именем «Хобсбаум». Но достаточно и этого, чтобы никогда не пытаться опираться в своих трудах на сие не по уму канонизированное недоразумение.

⁸⁰ Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. М.: ООО «Луч», 2007. С. 126–127.